Поспѣловъ-Шахматовъ.

СѢВЕРО-ДВИНСКІЙ КРАЙ.

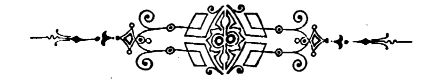
Цѣна 50 коп.

Путевые Очерки.

МОСКВА.
Типографія А. Г. Кольчугина, Волхонка.
1895.

Поспѣловъ-Шахматовъ.

СѢВЕРО-ДВИНСКІЙ КРАЙ.

МОСКВА.
Типографія А. Г. Кольчугина, Волхонка, д. Воейковой.
1895.

Дозволено цензурою. Москва, 14 Іюня 1895 г.

I.

Г. Вельскъ. Приготовленіе къ отъѣзду. Отъѣздъ. Картины природы. Жители прибрежныхъ деревень. Торговля. Граница Архангельской губерніи.

Городъ Вельскъ (Вологодской губерніи), стоящій при впаденіи рѣки Вели въ Вагу, — ничѣмъ не замѣчателенъ. Это скажетъ вамъ даже природный вельскій обыватель. Такихъ городовъ много на бѣломъ свѣтѣ, а особенно на сѣверѣ. Немножко живописный, невыразимо грязный весной и отвратительный во всякое время года для избалованнаго жителя столицы. Физіономія города обрисуется вполнѣ, если прибавить къ этому сонныхъ, вѣчно чѣмъ-то недовольныхъ жителей, базаръ съ неизбѣжной вонючей

треской и свѣжими сельдями, мѣстную команду солдатъ, снующихъ поодиночкѣ на улицахъ съ сапогами подъ мышкой, стадо куропатокъ въ зимнее время на городскомъ бульварѣ, русаковъ въ садахъ и т. д.

Вотъ въ этомъ-то городѣ судьба вынудила меня прожить нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ. Но наступилъ май, и я получилъ возможность оттуда уѣхать. Со страхомъ и трепетомъ помышляя о губительной трясkѣ мѣстныхъ экипажей на трехсотверстномъ разстояніи, я сталъ готовиться въ путь, какъ внезапно былъ осѣненъ счастливою мыслью совершить путешествіе инымъ, менѣе безпокойнымъ способомъ. Я вздумалъ ѣхать до Вологды водою, причемъ разстояніе отъ Вельска до пристани Березники на С. Двинѣ проплыть на лыжахъ, а уже съ Березниковъ по С. Двинѣ и Сухонѣ до Вологды— на пароходѣ. Такимъ образомъ, вмѣсто

того, чтобы отправиться на югъ, я ѣхалъ на сѣверъ, вмѣсто 300 верстъ, долженъ былъ ѣхать водою 1200, но меня это не пугало. Прежде чѣмъ начать свой разсказъ, не будетъ лишнимъ познакомить читателя съ устройствомъ лыжъ, на которыхъ я совершилъ путь по рѣкѣ Вагѣ и Двинѣ, тѣмъ болѣе, что подобнаго рода спортъ, какъ ѣзда на лыжахъ, насколько мнѣ извѣстно, не производился на большія разстоянія, ограничиваясь прудами.

Инструментъ этотъ очень легкомысленнаго устройства, настолько легкомысленнаго, что многіе москвичи, любители ѣзды на лыжахъ, нерѣдко, по неустойчивости этихъ послѣднихъ и блужданію центра тяжести, платились неожиданнымъ купаньемъ гдѣ-нибудь въ нечистой водѣ „Чистыхъ Прудовъ".

Представьте себѣ двѣ полыя, къ концамъ заостренныя лыжины, пяти аршинъ

длины, къ верхнимъ доскамъ которыхъ привинчена площадка, а на ней стулъ. Лыжи приводятся въ движеніе весломъ о двухъ лопастяхъ. Вотъ и весь приборъ, годный для плаванья, а какъ впослѣдствіи оказалось, и для ныряніи въ водахъ сердитой рѣки Ваги и С. Двины.

Путешествіе свое я рѣшился совершить съ цѣлью ознакомленія съ природой и жителями центральной части Архангельской губерніи, а также меня привлекало уженье рыбы весной на такой рѣкѣ, какъ Вага, протекающая по дикимъ, лѣсистымъ мѣстамъ Шенкурскаго уѣзда.

Наступило 22 мая, день, назначенный мною для отъѣзда. Отославъ кой-какой багажъ на почту и захвативъ только самое необходимое для дороги—два складныхъ удилища, рыболовныя принадлежности и револьверъ,—вечеромъ въ этотъ день я отправился, вмѣстѣ со своимъ

знакомымъ землемѣромъ В—мъ, владѣльцемъ лыжъ, на рѣку Вель къ тому мѣсту, откуда я долженъ былъ начать свое рискованное плаваніе.

Наконецъ все было устроено. Лыжи приняли другой видъ: вмѣсто стула поставленъ былъ ящикъ, съ привинченной къ задку спинкой, вмѣсто одного весла, на уключинахъ, вращавшихся въ гнѣздахъ привинченныхъ къ платформѣ прутьевъ, было два распашныхъ, 6-ти аршинныхъ. Платформу подняли выше, такъ какъ maximum силы подъема лыжъ былъ 6 пудовъ, а вещей набралось порядочно: паруса съ мачтой - багромъ, цѣпь, топоръ, пара запасныхъ веселъ...

— Не забудьте телеграмму дать изъ Шенкурска, говорилъ мнѣ В—й, провожая меня по берегу, когда я отчалилъ. Я обѣщалъ и быстро поплылъ по Вели, провожаемый взорами небольшой толпы, собравшейся на берегу поглазѣть на ди-

ковинное зрѣлище. Вѣтеръ былъ противный. Лыжи сидѣли очень глубоко и при малѣйшемъ поворотѣ головы и туловища, подозрительно покачиваясь, погружались бокомъ. Вотъ показалась Вага. Я пріѣхалъ къ устью рѣки Вели, образовавшей съ Вагой длинный песчаный мысъ, называемый „стрѣлкой", гдѣ я, незадолго передъ поѣздкой, удилъ рыбу.

Наконецъ я выплылъ на средину Ваги. Вѣтеръ, которому я, сидя на высокомъ ящикѣ, представлялъ большое сопротивленіе, сильно задерживалъ движеніе лыжъ. Волна плескалась о платформу. Вельскъ скрывался за горизонтомъ. Вага круто поворотила, берега стали высоки, и я, очутившись въ безвѣтренной сторонѣ, быстро поплылъ, держась фарватера. Проѣхавъ пригородныя деревни, перебравшись черезъ порогъ (переборъ), я былъ наконецъ въ глуши: крутые берега были сплошь покрыты лѣсомъ — ни

просѣки, ни поляны. Вага протекала какъ-бы по густой аллеѣ изъ лиственницъ, ели, березы. Вѣтра здѣсь не было, и тучи комаровъ съ жадностью бросились на меня, беззащитнаго противъ ихъ нападенiй. Вотъ, наконецъ, показалась избушка. Около нея мальчикъ съ удочкой.

— Много-ли считаютъ отсюда до Вельска? крикнулъ я ему, быстро подъѣхавъ ближе къ берегу.

Мальчикъ не то испуганно, не то съ удивленiемъ, широко раскрывъ глаза, смотрѣлъ на меня, ничего не отвѣчая. Я повторилъ вопросъ.

— Пятнадцать верстъ, а ты на чемъ ѣдешь-то? крикнулъ онъ, наконецъ, мнѣ въ догонку.

Было бы безполезно отвѣчать ему на такой вопросъ, и я ничего не отвѣтилъ. Проѣхавъ еще немного, я причалилъ къ живописной мѣстности, покрытой мелкими разноцвѣтными камнями. Повсюду,

куда ни взглянешь, огромныя буровато-зеленыя стѣны хвойнаго лѣса, сквозь чащу котораго виднѣлись сѣрыя груды бурелома.

Отдохнувъ немного, я привязалъ къ лыжамъ дорожку, причемъ вслѣдствіе быстраго движенія лыжъ, пришлось увеличить длину бечевы, прибавить груза и устроить поплавокъ.

Солнце еще было высоко, такъ какъ, я выѣхалъ изъ Вельска часовъ въ шесть вечера. Я плылъ все по той-же безконечной аллеѣ. Разноцвѣтными красками освѣщались крутые, обнаженные, безъ всякой растительности на сѣдой и желтой глинѣ, берега. Тишина стояла невозмутимая. Только, изрѣдка посвистывая, перелетывали съ берега на берегъ кулички, да осторожная гагара, далеко завидя лыжи, тяжело поднимаясь, била крыльями по зеркальной поверхности, освѣщенной горячими лучами солнца. Гдѣ-то да-

леко послышался крикъ рыболовки и замеръ въ горячемъ воздухѣ, пропитанномъ смолой и испареніями.

Но вотъ лѣсъ кончился. Больше двадцати верстъ тянулся онъ по берегамъ рѣки, наводя своимъ однообразіемъ безотчетную грусть. Показались огромныя мели золотистаго песку, разстилаясь до самой середины рѣки, которая, какъ-бы не желая встрѣчаться съ ними, убѣгаетъ въ сторону, подмывая противоположный берегъ вышиною въ нѣсколько десятковъ саженъ. Вотъ вдали, на огромной песчаной косѣ, словно въ воздухѣ, виситъ силуэтъ большой рыбачьей лодки, стоящей на тонкихъ жердяныхъ подпоркахъ. Оглядываешься: никакого жилья кругомъ нѣтъ.

Солнце садится. На поверхности рѣки показалась рябь—съ сѣвера подуло свѣжимъ воздухомъ. Огибаю мысъ — утесъ, вершина котораго поросла густымъ хвой-

нымъ лѣсомъ. Словно шапка надѣтая на уродливую голову великана, погрузившагося по шею въ воду, чернѣлъ, лѣсъ на голубомъ фонѣ неба. А здѣсь, налѣво, береговая круча съ растущимъ на ней лѣсомъ обсыпалась, обвалилась; деревья въ безпорядкѣ, съ вывороченными огромными корнями, раскиданы по сѣрому глинистому берегу. Казалось, здѣсь только что прошелъ опустошительный ураганъ, который безжалостно привелъ въ это хаотическое состоянiе когда-то красиво и въ порядкѣ росшiй лѣсъ. Но безпорядокъ-то этотъ и хорошъ. Краски свѣжи и ярки, и многiя поваленныя деревья не переставали расти.

Картины кругомъ роскошныя. Дикiя, чудныя мѣста! Неизгладимое впечатлѣнiе оставили они въ моей памяти. Я помню тогда я сравнивалъ всю эту громаду растительной и минеральной жизни во всей ея почти дѣвственной красѣ съ жал-

кой, чахоточной, полумертвой подмосковной природой. Какая огромная разница! Тамъ человѣкъ рельефно выступаетъ изъ рамокъ окружающей его природы, здѣсь онъ кажется ничтожнымъ, слабымъ, однимъ изъ ея безчисленныхъ атомовъ.

Наступила ночь довольно свѣтлая, съ занимавшейся на востокѣ зарей. Я называю ночью время около двухъ часовъ, когда солнце, въ этотъ короткій промежутокъ, успѣетъ скрыться и вновь показаться на постоянно свѣтломъ горизонтѣ.

Я былъ уже верстахъ въ сорока отъ Вельска. Лѣса кончились, низкіе берега, поросшіе ивнякомъ и ольхой, раскрыли передо мною окрестности. Вдали на холмѣ, среди засѣянныхъ хлѣбомъ полей, виднѣлась бѣлая церковь Судромскаго погоста, направо, на береговой кручѣ, лѣпились домики маленькой деревушки. Заморосилъ дождь. Подулъ пронзительный, сырой вѣтеръ. Утренняя заря уже занима-

лась. Я причалилъ къ берегу и развелъ костеръ. Руки болѣли, поясницу больно было разогнуть. Только теперь я сталъ понимать, что мое путешествіе далеко не похоже на катанье въ Вельскѣ по Вагѣ. Становилось иногда жутко и скучно отъ одиночества и усталости. Являлось малодушное раскаяніе въ томъ, что я рѣшился ѣхать такъ далеко и на такомъ снарядѣ, на которомъ спать было нельзя, тѣмъ болѣе, что въ лѣсу проводить ночь было, какъ мнѣ думалось, опасно: во время сна могутъ утащить лыжи, или я самъ могу сдѣлаться жертвою звѣрей, которыми были полны эти дремучіе лѣса. Но это было только въ первое время. Впослѣдствіи же я крѣпко засыпалъ между корнями вѣковой ели, въ лѣсу, тянувшемся на сотни верстъ, а въ концѣ концовъ пришлось даже и пожалѣть, что путешествіе мое слишкомъ скоро окончилось.

Солнце уже поднялось. Я рѣшилъ заѣхать въ деревню, чтобы достать хлѣба и яицъ, а также и земляныхъ червей для уженья. Въ первый и, можетъ быть, послѣднiй разъ въ жизни мнѣ приходилось удить рыбу, столько же изъ страсти, сколько и для поддержанiя своего существованiя, и, такимъ образомъ, черви составляли косвенно существенную часть моихъ жизненныхъ припасовъ, которыхъ трудно было достать въ этой мѣстности.

При моемъ появленiи, ребятишки съ крикомъ „плыветъ“ побѣжали въ избы; вслѣдъ за ними выскочили бабы, какъ народъ болѣе любопытный, и, наконецъ, лѣниво двинулись мужики. Народъ собирался на берегу. Все это глазѣло на мой странный снарядъ—стулъ и на страннаго пловца въ матросской рубахѣ безъ рукавовъ.

Мало-по-малу, когда я подъѣхалъ къ берегу и сѣлъ на мель, изъ толпы по-

слышались восклицанія, возгласы удивленія. Толпа разсматривала лыжи со всѣхъ сторонъ, заглядывала то подъ платформу, то мнѣ подъ шляпу. Одна дѣвченка, повострѣе, поднявъ подолъ, побрела было по водѣ ко мнѣ, но, чего-то вдругъ испугавшись, бросилась назадъ. Ребятишки шумѣли.

— Какой губерніи ваша деревня? спросилъ я, зная, что около этого мѣста начинается Архангельская.

— Наша-то? А Вологодская; а вонъ и граница недалеце, указывая неопредѣленно рукой, сказалъ одинъ изъ дикарей въ бѣлой рубахѣ и синихъ портахъ.

— А ты самъ откелева будешь? спросилъ другой дикарь.

— Изъ Вельска, говорю я.

— Куда Богъ несетъ?

— На Двинскій Березникъ.

— Таакъ. Эка, братецъ мой, у тебя

машина-то, муха-те задави! Цево плавишь-то?...

Начались разспросы: откуда родомъ, мастеровой или нѣтъ, по какому дѣлу? На все приходилось, конечно, врать. Наконецъ, удовлетворивъ кое-какъ ихъ любопытство, я спросилъ, нельзя-ли достать въ деревнѣ червей?

— Это какихъ тебѣ цервей?... Не, братъ, у насъ нѣту-ти такихъ, оскаливъ зубы и переглядываясь съ другими, говорила бѣлая рубаха. Всѣ дикари стали вдругъ чему-то смѣяться, точно они услышали отъ меня какую-то несообразность.

Я объяснилъ имъ, что хочу удить рыбу.

— Сцуровъ, ему, знать, надо, догадался наконецъ кто-то изъ толпы. Я обрадовался этой догадливости.

— Да, да, щуровъ, говорю я, есть они у васъ?

— А поцемъ дашь за сотню? вдругъ раздался около меня пискливый голосъ,

и изъ толпы выскочилъ юркій мальчишка съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами. Опять недоразумѣніе. Я не ожидалъ, что здѣсь черви продаются сотнями. Наконецъ, недоразумѣніе исчезло, когда изъ разспросовъ я узналъ, что торговля червями, или по ихнему „щурами“, здѣсь въ большомъ ходу. Спросъ на нихъ весной и лѣтомъ большой. Покупателями являются рыбаки, повсюду ставящіе переметы, поплавки которыхъ, въ видѣ большого обтесаннаго полѣна, виднѣются всюду на поверхности Ваги. Во время пашни, мальчишки собираютъ въ большія кадки земляныхъ червей и все лѣто продаютъ ихъ рыбакамъ по цѣнѣ, колеблющейся въ разныя времена года, отъ 2 до 4 и 5 коп. за сотню.

Впослѣдствіи, я не затруднялся выражать свои требованія предъ этимъ народомъ. Когда нужно было червей, я подъѣзжалъ къ первой, попавшейся на пути,

деревушкѣ и лаконически-повелительно говорилъ какому-нибудь мальчишкѣ: „сотню щуровъ!" И ребятишки, съ быстротою молніи, бросались къ себѣ въ избу, таща оттуда буракъ съ червями.

Мальчикъ съ точностью, достойной мелкаго московскаго лавочника, отсчиталъ мнѣ двѣ сотни щуровъ, вынимая ихъ изъ принесеннаго дѣвченкой большого бурака, причемъ добросовѣстно откидывалъ негодныхъ и успѣлъ похвастаться, что этой весной онъ продалъ ихъ нѣсколько тысячъ.

Наконецъ я простился со своими новыми знакомцами, изъ которыхъ одна баба успѣла, ради перваго знакомства, надуть меня на купленныхъ у ней яйцахъ, а бѣлая рубаха на 5 копеекъ притащилъ столько хлѣба и житныхъ пироговъ, что я заподозрѣлъ его въ намѣреніи утопить мои лыжи, а вмѣстѣ съ ними и меня, такимъ грузомъ.

Погода совсѣмъ испортилась: небо нахмурилось, и мелкій дождь, какъ пульверизаторъ, прыскалъ въ лицо. Сонъ меня одолѣвалъ. Я дремалъ въ своемъ креслѣ. Чувствовалась сильная усталость; водяныя мозоли на рукахъ лопнули и не давали прикоснуться къ рукояткамъ веселъ: казалось, я хватался за раскаленное желѣзо. Кисти рукъ представляли нерасгибавшіеся крючки, которые машинально задѣвали рукоятки веселъ. Эта крючковатая форма моихъ дланей осталась на нѣсколько мѣсяцевъ и послѣ путешествія.

Увидавъ деревню и на берегу перевозъ, я привязалъ „Стрекозу“, какъ именовались лыжи, къ карбасу перевозчика, розостлалъ на жидкой глинѣ парусъ и, завернувъ голову въ пальто, подъ шумъ, дождя, тотчасъ же уснулъ мертвымъ сномъ

Спалъ я, должно-быть, не долго; меня вдругъ разбудилъ чей-то голосъ. Откры-

ваю глаза, — вижу, около меня стоитъ мальчикъ и дергаетъ за плечо.

— Дядя, а дядя, вставай, карбасъ нуженъ, говоритъ онъ жалобнымъ, умоляющимъ голосомъ.

— А ну тебя!... ворчу я въ просонкахъ,—что я твой карбасъ-то-спряталъ что-ли?... и опять засыпаю.

— Дядя, опять раздался около уха жалобный голосъ, отвяжи свой пароходъ-то!

— Какой тамъ пароходъ?... не дадутъ, черти, выспаться! кричу я сердито, точно въ самомъ дѣлѣ нашелъ мѣсто, гдѣ можно спокойно спать. Наконецъ я сообразилъ, что лежу не на своей постели, а въ лужѣ глинистаго берега рѣки Ваги, Архангельской губерніи, и, вспомнивъ о „Стрекозѣ“ отвязалъ её отъ карбаса.

Мальчикъ перевезъ съ противоположной стороны бабу. Когда онъ воротился, то съ удивленіемъ сталъ разсматривать

страннаго дядю, пріѣхавшаго на пароходѣ; я велѣлъ ему сторожитъ лыжи, а самъ отправился въ деревню, гдѣ и напился молока. Затѣмъ двинулся въ путь дальше.

II.

Архангельская губернія. Уженье рыбы. Рѣки впадающія въ Вагу. Золотыя розсыпи. Розговоры. Островъ. Ночь. Воровство.

Архангельская губернія замѣтно стала отличаться отъ Вологодской населенностью. Въ послѣдней я ѣхалъ верстъ по пятнадцати, не встрѣчая на пути ни одной деревушки, никакого жилья; здѣсь же населеніе гуще: то тамъ, то сямъ виднѣются бѣлыя каменныя или сѣрыя деревянныя церкви погостовъ, деревушки лѣпятся повсюду по крутымъ берегамъ.

Вездѣ на берегу виденъ народъ: это удятъ рыбу.

Между рыболовами, пожалуй, большинство женщины, преимущественно дѣвочки и старухи, а въ праздничный день можно увидать на берегу все населеніе деревень. Уморительно смотрѣть, какъ какая-нибудь старушка, сгорбившись, сморщившись, сидитъ съ удочкой, погруженная въ созерцаніе поплавка, или выбрасываетъ изъ воды на толстойниткѣ серебристыхъ ельцовъ. Конечно, не страсть къ подобной охотѣ заставляетъ старушку сидѣть съ удочкой на берегу—всякія страсти давно погасли въ ея высохшей груди,—а насущная потребность въ подспорьѣ къ скудному питанію семьи. Впрочемъ мнѣ случалось встрѣчать и настоящихъ любительницъ уженья рыбы между архангельскими крестьянками. Особенно отличались между ними молоденькія дѣвушки, находившія больше свобод-

наго времени для уженья, чѣмъ семейныя женщины. Кстати сказать: объ удали архангельской крестьянки я много слышалъ на пути, да не разъ и самъ былъ свидѣтелемъ той смѣлости и ловкости, съ которой она справляется съ веслами въ сильный вѣтеръ. Въ большинствѣ случаевъ гребцами здѣсь являются женщины; онѣ всегда при веслахъ, мужчины же ставятъ переметы или возятся съ сѣтями, привыкая навсегда къ бабѣ гребцу. Въ ледоходъ, въ бурю, архангельская крестьянка не побоится переправиться черезъ Вагу или Двину.

Солнце уже сѣло, когда вдали показалось Ровдинское плесо, очень крутое, верстъ на десять. Полная луна освѣщала окрестности. Показался Ровдинскій погостъ и за нимъ деревушка. Я обогнулъ мысъ и остановился на ночевку, съ цѣлью напиться чаю и, главнымъ образомъ, поудить рыбы. Выбравъ для этого отличное

мѣсто и набравъ множество хворосту и кольевъ на берегу, запалилъ костеръ.

Хорошо было сидѣть здѣсь, вблизи костра, съ кружкой чая въ рукахъ, прислушиваясь къ звону бубенчиковъ донныхъ удочекъ. Кругомъ глушь, тишина. Около меня разстилалась большая сѣрая отмель, на которой расположилась какъ и я, на ночлегъ, большая стая журавлей. Знакомы и близки сердцу охотниковъ эти сѣрыя фигуры птицъ, съ закинутыми назадъ головками, длинными носами и поджатой подъ брюшко ногой. Гдѣ-то крякнула сонная утка. Бѣлыя чайки длинной шеренгой росположились рядышкомъ крыло къ крылу, на песчаномъ островкѣ среди рѣки. Вотъ по очереди, одна послѣ другой, поднимаются онѣ, кружатся надъ моей головой, едва не задѣвая крыломъ шапку, и своимъ хриплымъ, рѣзкимъ крикомъ, непріятно дѣйствующимъ на нервы, заставляютъ меня

посылать ихъ ко всѣмъ чертямъ. А на той сторонѣ чернѣетъ мрачный, густой лѣсъ. Угрюмо стоятъ огромныя ели, глядясь въ зеркало спокойной рѣки. Около меня ростетъ ивнякъ и ольха, шумящая при малѣйшемъ движенiи воздуха. Гдѣ-то вблизи потрескиваетъ валежникъ подъ ногами какихъ-то невидимыхъ звѣрковъ. И опять тишина—ни звука, ни шороха.

Поужинавъ прекрасной ухой изъ пойманныхъ мною окуней, я поспѣшилъ сняться съ якоря. Быстро проплылъ я въ этотъ день почти стоверстное разстоянiе; быстро промелькнули стоявшiе на берегу погосты, села, деревни, устья рѣкъ со множествомъ плотовъ, тянувшихся около береговъ, на всемъ протяженiи Ваги. Погода была сносная. Вага текла почти въ прямомъ направленiи, и я, какъ уже сказалъ, быстро плылъ, дѣлая иногда верстъ по пятнадцати въ часъ. Я разсчитывалъ въ трое сутокъ пройти

все разстояніе отъ Вельска до Березниковъ, но, какъ впослѣдствіи оказалось, расчеты мои были невѣрны: хотя въ дѣйствительности я проплылъ это разстояніе (300 в.) въ теченіе около четырехъ сутокъ, но за то по нѣскольку дней приходилось сидѣть на одномъ мѣстѣ, ожидая конца сильныхъ вѣтровъ, дующихъ здѣсь постоянно противъ теченія и производящихъ большія волны.

Вага въ этихъ мѣстахъ принимаетъ въ себя много рѣкъ: Вамшереньга, Шереньга, Паденьга, Шолаша, Шепьга, Марека—названія чисто финскія, не русскія. Общая физіономія маленькихъ рѣкъ, за исключеніемъ немногихъ, такова, что, отыскавъ ее у себя на картѣ, вы её однако-же не скоро замѣтите на мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что Вага намываетъ въ устья этихъ рѣкъ массу песку, такъ что запираетъ въ нихъ воду, и только одинъ ручеекъ служитъ указаніемъ на то, что

здѣсь впадаетъ рѣка. Само собою разумѣется, что, во время половодья, рѣки эти имѣютъ другой видъ и по нимъ тогда гонятъ лѣсъ и смолу.

Берега Ваги и впадающихъ въ нее рѣчекъ богаты минералами, а про одну изъ нихъ, именно рѣку Шеньгу, я слышалъ, что она содержитъ золотоносный песокъ, и что было время, когда на ней предприниматели дѣлали попытку промывать золото, но почему-то успѣха не имѣли.

Всѣ эти рѣчки быстры, мелководны и малорыбны. Удить на нихъ стоитъ только при впаденіи ихъ въ Вагу, въ самомъ устьѣ или на мельницахъ. Рѣчки, камъ Масляная, Тошна, Пежма, Сюйма и т. д., на которыхъ я удилъ, даютъ любителю уженья мало удовольствія. Мелкій ершъ, мелкая щука, окунь, ельцы, находящіеся въ огромномъ количествѣ, вотъ все, что дѣлаетъ уженье скучнымъ, снотворнымъ занятіемъ. Слухъ о пойман-

ной крупной щукѣ на такихъ рѣкахъ часто обходитъ всѣ окрестныя деревни. Но, съ другой стороны, рѣчки эти имѣютъ тотъ интересъ, что часто въ нихъ попадается семга, и охотника можетъ подзадорить попытка поймать эту рыбу на удочку.

Семга, ежегодно идя вверхъ по Двинѣ, часто заходитъ большими партіями въ эти маленькія рѣчки и иногда остается надолго въ ямахъ близъ мельницъ, въ глубокихъ омутахъ. Я слышалъ разсказъ о томъ, какъ близъ одной мельницы, не помню на какой рѣкѣ, крестьянинъ случайно поймалъ почти пудовую семгу руками на мели, черезъ которую она хотѣла перебраться; при этомъ, конечно, разсказывался забавный эпизодъ борьбы человѣка съ такой рыбой.

И такъ я быстро плылъ, приближаясь къ г. Шенкурску. На пути своемъ со стороны населенія, я, конечно, поднималъ

такой-же переполохъ, какъ и вездѣ, на всемъ протяженіи рѣки Ваги. Народъ сбѣгался къ берегу смотрѣть на мой снарядъ съ такимъ-же изумленіемъ, съ какимъ первобытные обитатели Америки встрѣчали, вѣроятно, Колумбовъ корабль. Изъ толпы часто слышались голоса: „при-верни!“ Я иногда исполнялъ ихъ просьбу.

Подъѣдешь, бывало, къ берегу, закуришь папиросу и отдыхаешь. Кругомъ толпа народа. Начинается обмѣнъ мыслей, пойдутъ разговоры, темою которыхъ болѣе всего служатъ лыжи, а иногда и моя персона.

— Они у тебя, цай, полые? тыкая пальцемъ въ лыжину, говоритъ рыжій парень.

— Самъ ты полая голова, знамо брусья! обрываетъ его длинный, черноволосый мужикъ. Такъ-ли, парень? обращается онъ ко мнѣ.

— Нѣтъ, говорю я, полыя.

Рыжій парень радуется.

— Знамо полыя, нешто брусья вздымутъ? голосомъ, въ которомъ звучитъ увѣренность и нотка оскорбленнаго достоинства, говоритъ рыжій.

— Може, тамъ пробки, внутри-то,— слышится пискливый голосъ маленькаго косматаго мужичка.

Но никто не обращаетъ вниманія на его слова.

— Какъ-же ты.... тово.... значитъ, грабишь въ четыре весла? допытывается длинный мужикъ.

Я объясняю, что вторая пара веселъ —запасная.

— Таакъ, а́ волны боится твой пароходъ-отъ?

— Не знаю, говорю, еще не приходилось ѣхать въ бурную погоду.

— Смотри, братанъ, предостерегаютъ меня, не выдержитъ твоя посудина вала, у насъ бурно бываетъ, валъ пойдетъ— бяда! Вотъ только одна у насъ тетка Ари-

на, говоритъ мужикъ, указывая на молодую бабенку, не боится: въ корытѣ ѣздитъ пó рѣкѣ. Всѣ громко смѣются, а баба скрывается въ толпѣ.

Эти разговоры меня нѣсколько развлекали въ моемъ одиночномъ плаваніи, но не всегда. Иногда, бывало, обрадуешься, когла заслышишь человѣческую рѣчь, но, когда начнутся безконечные разспросы о моей личности,—разговоры эти приводили меня въ отчаяніе. Какъ объяснить имъ цѣль своего путешествія „pour passer le temps?“ Они не могли понять этого, и приходилось сочинять разныя исторіи, въ родѣ того, что ѣду, молъ, по дѣламъ такого-то купца въ Архангельскъ; но они, повидимому, мало этому вѣрили, какъ-бы чутьемъ угадывая, что я не принадлежу къ торговому сословію. Они смотрѣли на мою поѣздку, какъ на дѣйствіе не лишенное нѣкоторой таинственности и важности, что и приводило впослѣдствіи къ

очень курьезнымъ, а могло-бы привести и къ очень печальнымъ результатамъ, о которыхъ и разскажу впослѣдствіи.

Какъ настоящіе дикари, они очень любопытны. Ѣдешь, бывало, мѣсто, кажется, глухое, не думаешь, чтобы былъ тутъ гдѣ-нибудь человѣкъ, вдругъ слышишь крикъ, подымаешь голову и видишь слѣдующую картину: на самомъ краю береговой кручи сидитъ человѣкъ, кажущійся мнѣ снизу ребенкомъ, хотя онъ съ бородой.

— Что плавишь-то? изо всей силы своихъ мощныхъ легкихъ кричитъ этотъ интересный гномъ, увидя мой снарядъ, который сверху кажется ему еще болѣе страннымъ, чѣмъ съ боку.

Вопросъ ставился круто. Не отвѣчать, можно, пожалуй, обидѣть человѣка и отвѣчаешь шуткой.

— Деньги!—крикнешь, или: вино!

Шенкурскъ былъ близко. По рѣкѣ въ разныхъ мѣстахъ, иногда по два въ рядъ,

разбросаны небольшіе острова; къ одному изъ нихъ я присталъ съ цѣлью поудить рыбы. Мѣсто было великолѣпное. Я въѣхалъ въ маленькую бухту, по сторонамъ которой изъ воды торчали затопленныя деревья; середка бухты была чистая, мѣсто глубокое, повидимому, коряжистое, съ илистымъ дномъ. Поставивъ лыжи подъ навѣсъ склонившихся къ водѣ кустовъ ивняка и ольхи, я отправился осмотрѣть островъ, карабкаясь по крутому берегу, хватаясь за корни деревьевъ, за уступы изъ красной глины.

Это былъ роскошный уголокъ. Густая трава пестрѣла цвѣтами. Птичье населеніе было очень встревожено неожиданнымъ появленіемъ гостя, какъ видно, рѣдкаго здѣсь. Надо мной быстро пролетѣлъ кроншнепъ, поднявшійся съ противоположнаго конца острова, очевидно, не мною спугнутый. Вездѣсущія чайки съ крикомъ то налетали на меня, то кру-

жась въ воздухѣ—вдругъ быстро бросались въ воду. Побродивъ немного по острову, поросшему кустами шиповника, крушины, черемухи, бывшей въ цвѣту, поразмявъ немного усталые члены, я отправился къ своимъ лыжамъ, рѣшившись заняться уженьемъ, какъ слѣдуетъ, и непремѣнно поймать, если не семгу или сига, то по крайней мѣрѣ крупнаго леща. Отдохнувъ здѣсь, я отправился дальше.

До Шенкурска было совсѣмъ недалеко, и я надѣялся скоро доѣхать до города, но скоро только сказка сказывается, а на дѣлѣ много пришлось испытать въ этотъ вечеръ и ночь. Шелъ все время дождь, и я промокъ до костей; поднялся сильнѣйшій вѣтеръ, тьма была египетская. Въ одномъ мѣстѣ мою несчастную „Стрекозу“ едва не опрокинуло гребнемъ двухъ теченій: Ваги и, кажется, Марески. Вага показалась мнѣ широкой: береговъ, за темнотой, не было видно, волна

была огромная, лыжи подпрыгивали по волнамъ, какъ мячъ. Наконецъ, ночью я присталъ къ крутому глинистому берегу, будучи не въ силахъ продолжать борьбу съ вѣтромъ. Цѣлый часъ пришлось разводить огонь, сожигая мокрые колья и щепу. Нужда заставила заняться воровствомъ и при томъ оригинальнымъ воровствомъ, не подходящимъ, кажется, ни подъ какія статьи закона: я укралъ частицу крыши. Взобравшись по тропинкѣ на высокій берегъ, я увидалъ множество домовъ съ соломенными крышами и.... соблазнился. Боязливо оглядывась по сторонамъ, я залѣзъ на завалину крайней избы и, надергавъ цѣлую охапку соломы, бросился бѣжать со своимъ сокровищемъ внизъ къ рѣкѣ. Солома запылала, и я сталъ отогрѣвать свое окоченѣвшее тѣло. Къ утру я былъ въ обществѣ трехъ рыболововъ-мальчиковъ, ловившихъ гдѣ-то всю ночь рыбу и явившихся ко мнѣ на

огонь. Они устроили мнѣ отличный костеръ, пекли рыбу, очень ловко протыкая ее вдоль палочкой и ворочая на огнѣ, угощали меня полусырой копченой уклейкой и ельцами.

III.

Г. Шенкурскъ. Знакомый землемѣръ. Хромоногій портной. Лещъ. Варлаамовъ монастырь. Буря. Деревня Медвѣжья.

Утромъ я отправился въ Шенкурскъ. За поворомъ рѣки показался городъ. Двѣ церкви и плохія деревянныя домишки, разбросанные въ безпорядкѣ, вотъ видъ города со стороны рѣки. На противоположной сторонѣ былъ перевозъ: огромные карбасы, лодки, пристань и сторожка. Причаливъ къ пристани и втащивъ свои вещи, съ помощью перевозчика, въ сторожку, гдѣ на нарахъ лежало много

народу, я тотчасъ же уснулъ на лавкѣ, несмотря на спертый удушливый воздухъ помѣщенія. Выспавшись, часа черезъ два отправляюсь въ городъ за покупками. Къ пристани подошелъ карбасъ съ тройкою. Въ тарантасѣ сидитъ какой-то господинъ въ фуражкѣ съ кокардой. Смотрю, лицо знакомое, но не узнаю.

— Стой! Стой! Кричитъ кокарда ямщику. Здравствуйте, давно-ли изъ Вельска?

Я узналъ С—ва, землемѣра Удѣльной Конторы.

Мы поздоровались.

— А вы куда? спрашиваю С—ва.

— Въ Устьсюймскій погостъ, по тракку верстъ 60 отсюда, а по рѣкѣ вся сотня будетъ. Заѣзжайте ко мнѣ непремѣнно. Когда васъ ждать?

Я обѣщалъ. Поговоривъ немного, мы разстались. Онъ отправился въ Устьсюймскъ, я въ Шенкурскъ. „Ну, городъ", думалъ я, бродя по шенкурскимъ улицамъ,

„дѣйствительно, прекрасное мѣсто ссылки!“ Грязныя улицы, грязные трактиры, лавки и множество городовыхъ, стоявшихъ цѣлыми партіями на перекресткахъ. Я спросилъ лавочника о причинѣ такого необычайнаго скопленія начальства. Оказалось, что ждутъ архіерея.

Купивъ кое-что и пославъ В—му въ Вельскъ телеграмму о томъ, что „Стрекоза“ благополучно прибыла двадцать четвертаго, я отправился хлопотать въ трактирѣ на счетъ съѣстного.

Тамъ сидѣла вся компанія, лежавшая при моемъ пріѣздѣ на нарахъ въ сторожкѣ, т. е. перевозчики, которые группировались теперь около загулявшаго почтальона.

Я завелъ сношенія съ трактирщикомъ, пытаясь достать чего-нибудь горячаго, но оказалось, что кромѣ ржавой селедки, я нигдѣ въ городѣ ничего не могъ достать. Я былъ въ положеніи, близко под-

ходившимъ къ отчаянію. Въ этотъ моментъ судьба послала мнѣ на помощь человѣка и человѣка весьма замѣчательнаго. Это былъ небольшого роста субъектъ, съ добродушнымъ, веселымъ лицомъ, въ широкомъ казакинѣ и съ ногами, представлявшими изъ себя букву х; ступни ногъ были совершенно выворочены наружу, и обладатель этихъ ногъ бойко и скоро ступалъ своими щиколотками. Онъ развязно подошелъ ко мнѣ, постоянно скаля бѣлые зубы и, кланяясь, отрекомендовался шенкурскимъ портнымъ, прибавивъ, что онъ имѣлъ честь спать со мной въ сторожкѣ перевоза, какъ-бы находя этотъ замѣчательный фактъ серьезной причиной къ дальнѣйшему знакомству со мной.

Мы съ нимъ отправились въ какой-то шенкурскій гастрономическій магазинъ, короче сказать, въ съѣстную лавочку, но и тамъ попытки наши не увѣнчались успѣ-

хомъ. Наконецъ на улицѣ у бабы мы купили леща и отправились жарить его въ трактиръ. Заказъ зажарить леща произвелъ нѣкоторое замѣшательство въ воображеніи полового. Послѣ горячихъ преній между нимъ и хозяиномъ трактира, рѣшено было, какъ я узналъ отъ портного, леща отдать зажарить кухаркѣ сосѣдней квартиры. Искусство шенкурской кухарки оказалось стоящимъ ниже всякой критики: лещъ былъ изрѣзанъ на кусочки и плавалъ въ водѣ!!

Портной бѣгалъ, суетился на своихъ выгнутыхъ ногахъ; я велѣлъ подать ему водки, которую онъ и началъ уничтожать.

Снарядивъ лыжи въ путь, я простился съ Шенкурскомъ. Меня провожала на пристани цѣлая толпа.

— Не забывайте кривоногаго портного, кричалъ мнѣ шенкурскій гражданинъ, махая рванымъ картузомъ. Онъ въ одинъ

день успѣлъ привязаться ко мнѣ и все просилъ погостить у нихъ въ городѣ. Бываютъ-же такія дѣтскія, добродушныя натуры у такихъ искалѣченныхъ, какъ этотъ портной, людей.

Сильный сѣверный вѣтеръ не далъ мнѣ въ этотъ день уѣхать далеко отъ Шенкурска. Холодъ былъ невыносимый и, не смотря на утомительную работу, руки коченѣли отъ холоднаго вѣтра, заставлявшаго меня плыть очень медленно.

Ночь я провелъ въ избѣ у старика перевозчика, разсказывавшаго мнѣ все время о медвѣдяхъ, о своемъ горькомъ житьѣ-бытьѣ, какъ ихъ деревня бѣдствуетъ, не имѣя по несчастной случайности ни елки, ни куста среди безконечныхъ лѣсовъ.

На другой день я проѣзжалъ мимо Варлаамова монастыря, стоящаго на чрезвычайно живописномъ берегу рѣки Ваги. Преданіе гласитъ, что св. Варлаамъ приплылъ сюда на каменной плитѣ.

Къ вечеру разыгралась буря, и я, не смотря на всѣ мои усилія, почти не двигался впередъ, держась берега и ставя лыжи почти поперекъ рѣки. Тучи песку съ отмели засыпали мнѣ глаза. Кругомъ темнота, ни жилья, ни лѣсу. Я сталъ уже теряться, какъ поступить въ моемъ положеніи. Буря могла продолжиться всю ночь и даже нѣсколько дней; на мели оставаться мнѣ было не на руку, впередъ двигаться было невозможно, и я, наконецъ рѣшилъ отдать себя на произволъ вѣтра, который могъ меня пригнать противъ теченія къ погосту, только что проѣханному мной. Отправиться на погостъ — было каламбуромъ, но въ то время мнѣ было не до шутокъ. Напротивъ, мнѣ пришло въ голову, что легко можно и утонуть въ настоящемъ положеніи. Однако, сравнивъ настоящую бурю съ бурей на морѣ, мнѣ вдругъ стало стыдно своей трусости. Мнѣ даже показа-

лась смѣшною та мысль, что я, человѣкъ, разумное существо, съ волей, философіей, умомъ, обнимающимъ вселенную съ ея безконечно огромными мірами, умомъ, познающимъ колебанія безконечно малыхъ частицъ эфира, это существо, въ грязной лужѣ, именно сейчасъ, послужитъ лакомой пищей рыбѣ и ракамъ. Это мнѣ показалось невѣроятнымъ, и я предоставилъ свой корабль волнѣ, выѣхавъ на середину Ваги, чтобы не быть выброшеннымъ на берегъ.

Волна была огромная и первый же валъ, темный, сердитый, съ бѣлой пѣной, окатилъ меня съ ногъ до головы. Второй подошелъ съ боку и приподнялъ лыжи на воздухъ; я едва сохранилъ равновѣсіе. Меня стало бросать изъ стороны въ сторону: то мой несчастный снарядъ взлеталъ на гребень вала, то катился онъ внизъ носами въ водяную яму. Мнѣ становилось то жутко, то хорошо. Все мое

вниманіе сосредоточивалось на томъ, чтобы съ математической точностью ставить лыжи перпендикулярно къ оси вала; уклоненіе же отъ этого геометрически рискованнаго положенія могло повести за собой полное кораблекрушеніе. Досаднѣе всего было то, что движеніе лыжъ вверхъ по рѣкѣ задерживалось теченіемъ и меня колотило все на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Долго я бился въ этотъ памятный для меня вечеръ, наконецъ, совершенно измученный, въѣхалъ въ проливъ за островомъ, гдѣ было гораздо тише. Да и пора было отдохнуть: руки мои отказывались работать, мускулы, казалось, готовы были лопнуть.

IV.

Деревня Медвѣжья и ея обитатели. Разсказы о медвѣдяхъ. Медвѣжата. Шкура медвѣдицы-матери. Разсказъ охотника. Медвѣжья драма.

Въ проливѣ стояла деревня, которую я съ Ваги не замѣтилъ. На берегу было

нѣсколько ребятишекъ, которые при моемъ появленіи въ испугѣ разбѣжались, но вскорѣ, движимые любопытствомъ, стали по одному показываться изъ-за кустовъ. Съ трудомъ удалось ихъ уговорить тащить ящикъ, весла и всѣ принадлежности въ деревню. Послѣ обѣщанія „на пряники“, они взяли мои вещи и длинной процессіей потянулись по улицѣ деревни. Кто тащилъ весло, кто багоръ, а четверо на веслахъ тащили ящикъ. Шествіе замыкалъ я. Около одной избы мы остановились, я зашелъ въ избу и попросился на ночлегъ. Женщина, около которой столпилась большая толпа ребятишекъ, сначала было отказывалась принять неожиданнаго гостя, отговариваясь отлучкою мужа, но я настоялъ на своемъ и почти насильно водворился въ ея избѣ.

Приказавъ поставить самоваръ, я въ изнеможеніи легъ на лавку. Въ избу сталъ собираться народъ. Пришелъ хозяинъ съ

сыномъ, мальчикомъ лѣтъ десяти. За ними стали появляться одинъ за другимъ мужики и бабы: кто просто, помолившись на иконы, становился среди избы, съ жадностью пожирая глазами невиданнаго ими городского человѣка, пріѣхавшаго на необыкновенной посудинѣ, кто изъ бабъ поделикатнѣе являлась съ какимъ-нибудь предлогомъ къ хозяйкѣ—за ухватомъ или горшкомъ, но тотчасъ-же при видѣ меня забывали ухватъ и становились передо мной съ разинутымъ ртомъ. Не преувеличивая, можно сказать, что передъ клѣткой любого звѣря въ зоологическомъ саду праздная публика стоитъ съ меньшимъ интересомъ, чѣмъ жители деревни „Медвѣжьей" разсматривали меня, какъ-бы свалившагося съ неба или вынырнувшаго изъ нѣдръ Важской стихіи. Привыкшій къ подобному безцеремонному наблюденію этихъ „сараевъ", какъ называлъ Вологодскихъ и Архангелькихъ мужичковъ одинъ

мой пріятель-землемѣръ, я нисколько не смущался неловкостью своего положенія и занялся чаепитіемъ вмѣстѣ съ хозяевами и ихъ огромной семьей, человѣкъ въ восемь. Со стороны хозяина не замедлили, конечно, распросы: кто такой, зачѣмъ ѣду и т. д. Я кое-какъ отвѣчалъ.

— Гдѣ-же ты дорогой спалъ? спрашивалъ онъ меня.

— На берегу, въ лѣсу гдѣ-нибудь, говорю.

— А не боялся медвѣдя, медвѣдь лютъ, да и народъ бываетъ всякій. Вотъ позапрошлымъ годомъ ѣхалъ тоже одинъ приказчикъ въ лодкѣ, услыхали, значитъ, что одежа на немъ хорошая, ну и выслѣдили, да вотъ тутъ недалече отъ насъ, вонъ на томъ берегу, соннаго его и хватили стягомъ по головѣ. Ну и не пикнулъ, и одежу видимъ его теперь, да какъ доказать—мы люди темные. Счастливъ твой Богъ, что попалъ къ намъ, а то на Пи-

нежкѣ у насъ народъ бѣдовый. Да и впереди гляди въ оба!

Меня немножко покоробило отъ такого утѣшенія и предостереженія.

„Вотъ-те на, думалъ я, ужъ не въ Австралію-ли я заѣхалъ? Такіе разговоры напоминаютъ папуасовъ, утѣшающихъ путешественника, что въ ихъ деревнѣ изъ него сало не станутъ топить, а въ сосѣдней вытопятъ и съ кашей съѣдятъ.“ Смотрю: нѣтъ не папуасы, а православные русскіе мужички, и живутъ эти мужички въ Европейскомъ государствѣ въ эпоху изобрѣтенія телефона, микрофона, герофона и т. д.

— Развѣ вы никогда не видали городского человѣка? спрашиваю я своего хозяина.

— И гдѣ намъ, родной, видѣть? Почитай весь вѣкъ проживешь, и не увидишь такого человѣка; гдѣ намъ? Бѣгали наши какъ-то глядѣть, пріѣзжали года два

тому назадъ костоломы, остановились они у насъ на погостѣ, у попа....

— Какъ ты говоришь: костоломы? Какіе такіе костоломы? спрашиваю я.

— Ну, какъ ихъ тамъ, равно-бы костоломы; да вотъ тѣ, что въ трубы на звѣзды смотрятъ.

Увы, я догадался: ученые мужи, наблюдавшіе солнечное затмѣніе, названы „костоломами". И это не народное остроуміе, и не затрудненіе выговорить иностранное слово: „астрономы", нѣтъ, мужикъ говорилъ серьезно, не шутя, значитъ, просто на просто, онъ не могъ разсудить, что идея о наблюденіи надъ небесными свѣтилами и ломка костей,— совершенно несовмѣстимыя для здоровой головы понятія. Я перемѣнилъ разговоръ.

— А что много у васъ медвѣдей, часто приходится встрѣчаться? спросилъ я, наводя его на тему, болѣе доступную ему и для меня интересную.

— Много, милый человѣкъ, много скотины губитъ. Привыкли мы къ ему: идешь въ лѣсъ лыко драть, али за дровами, нѣтъ-нѣтъ, да и встрѣтишь. Ну, самъ-то онъ не трогаетъ человѣка, коли его не тронешь, а ужъ пуще всего медвѣдица, съ ней бѣда! Прошлымъ годомъ объ эту пору мы съ Гришуткой, вотъ съ сынишкой, съ полудня до вечера простояли у самаго носа медвѣдицы-то.

— Какъ такъ простояли?

— Да такъ: шли мы по лѣсу, лыка надрали, собирались домой было, вдругъ, смотримъ, медвѣдь, испужались мы съ Гришуткой, стоимъ ни живы, ни мертвы, а онъ какъ зарычитъ, да на насъ.... Что ты будешь дѣлать? Глядимъ, а на сосенкѣ двое медвѣжатъ сидятъ, испужались, значитъ, спрятались, а медвѣдица-то, ходитъ вокругъ сосны да все поглядываетъ на насъ, глазъ не спущаетъ. Только мы съ Гришуткой пошевелимся,

чтобы, значитъ, лататы задать, такъ, нѣтъ, проклятая, сейчасъ къ намъ бросится да рявкаетъ. „Не шевелись, говорю, Гришутка, стой, пальцемъ не шевели!“ Ну, и стоимъ мы эдакъ часъ, другой, а треклятые медвѣжата съ сосенки-то не слѣзаютъ, ужъ она зоветъ ихъ зоветъ—не лѣзутъ, да и только. А мы стоимъ, свѣтъ Божій не милъ, ноженьки подкашиваются, дрожимъ оба, поглядываемъ, другъ на дружку. Что ты будешь дѣлать? Такъ и простояли мы почитай до самаго вечера, пока не увела она дѣтей. Опосля пришли домой, цѣлую недѣлю лихоманка трясла, вотъ до чего довела насъ. Да чего, вонъ третьевось братъ мой—рядомъ со мной живетъ, раздѣлились мы—да сосѣдъ подстрѣлили медвѣдицу недалече отсюда въ „Савиномъ болотѣ“, да ушла проклятая, оставила двухъ медвѣжатъ. Приволокли ихъ живьемъ, большіе ужъ. Нынче опять они пошли по крови, а

медвѣжата на повитѣ, тамъ загородили ихъ. Не хочешь-ли посмотрѣть? Чай тебѣ любопытно?...

Я выразилъ свое согласіе.

Послѣ чая хозяинъ съ сыномъ отправились на повитъ и привели на веревкахъ двухъ медвѣжатъ, уже порядочныхъ, вѣроятно, февральскихъ, но они все же были малы для этого возраста и худы: кожа да кости. Одного назвали „Машкой", другого „Мишкой". Несчастные медвѣжата были очень пугливы: Машка все лѣзла подъ лавку, откуда ее постоянно приходилось вытаскивать; „Мишка" же былъ бойчѣе и иногда скалилъ большіе бѣлые зубы съ тихимъ визгомъ и рычаньемъ.

— Чѣмъ-же вы ихъ кормите? спрашиваю я хозяина.

— Чѣмъ придется; да они и не жрутъ что-то: плохи, тоскуютъ.

— Они у васъ скоро издохнутъ, говорю я, смотря на несчастныхъ звѣрей, вы бы лучше ихъ прирѣзали.

— Да вотъ придетъ братанъ, такъ прирѣжемъ, а то все равно подохнутъ, не напасешься имъ жратвы-то.

Вскорѣ медвѣжатъ увели. Посторонніе давно уже ушли изъ избы. Мнѣ хотѣлось спать, но я никакъ не могъ уснуть отъ духоты, привыкнувъ къ чистому воздуху на берегахъ Ваги; маленькій сынишка хозяина то и дѣло кричалъ во всю мочь. Я отправился спать въ сѣни. Всю ночь была буря, казалось того и гляди, снесетъ крышу, холодъ былъ страшный, вѣтеръ свободно гулялъ по сѣнямъ; на повитѣ надъ моей головой слышался визгъ, рычанье и возня медвѣжатъ. „Не свалились-бы на меня, дьяволы“, думаю я, „ишь развозились! Ну и сторонушка, и когда я отсюда выберусь? Хорошо-бы завтра. Непремѣнно завтра, во что-бы

то ни стало". Съ этой мыслью я крѣпко уснулъ на холодкѣ утренней зари.

На другой день буря была еще сильнѣе. Приходилось оставаться еще на сутки, нечего было и думать объ отъѣздѣ.

Напившись чаю и поѣвъ пирога съ вонючей треской, этимъ лакомствомъ сѣверныхъ жителей, отъ нечего дѣлать я сталъ разсматриватъ окрестности изъ окна, откуда была видна Вага; по ней ходили одинъ за другимъ темные съ бѣлыми барашками валы, за Вагой виднѣлся погостъ, окруженный огромными елями; березки и рябину, росшія у окна, гнуло отъ вѣтра—почти къ землѣ. Небо хмурое, сѣрое непривѣтливое; кругомъ такія-же безотрадныя картины: огороды, развалившіеся сараи, овины... Тоска!.. Я сталъ было уже подумывать идти въ проливъ удить рыбу, какъ вдругъ на улицѣ послышался шумъ, визги и крики. Смотрю: по улицѣ идетъ толпа народа,

ребятишекъ; среди нихъ выдѣлялись два мужика, которые несли на жерди какой-то большой темный предметъ; у удного изъ мужиковъ за плечами было ружье, у другого рогатина. Вся эта толпа повалила въ сосѣднюю избу. Въ это время къ намъ вбѣжалъ маленькій сынишка хозяина, котораго дома не было: я утромъ послалъ его за покупками въ село, верстъ за десять.

— Мамка, медвѣдя убили, иди скорѣй! Дядя Петръ съ Антипомъ, бооль-шу-щаго! крикнулъ онъ въ двери и скрылся.

— Иди, родимый, посмотри! обратилась ко мнѣ хозяйка и, взявъ ребенка изъ люльки, вышла изъ избы.

Я также отправился вслѣдъ за ней.

Протолкавшись насилу сквозь толпу народа, я подошелъ поближе къ охотникамъ. Среди избы на полу разостлана была шкура убитой медвѣдицы; шкура была еще теплая, повсюду на полу вид-

нѣлась кровь. — Ребятишки съ шумомъ и крикомъ возились около шкуры. Разговоры, ругань, крики слышались въ толпѣ, маленькія дѣти визжали, гамъ стоялъ невыразимый. Въ углу на лавкѣ сидѣли охотники; одинъ изъ нихъ, переобувая ноги, разсказывалъ кучкѣ любопытныхъ, какъ видно, уже не въ первый разъ свои похожденія.

— .....Тамъ и слѣдъ простылъ, долетѣли до меня слова Антипа, стало темно, холодно, иззябли мы съ Петрушкой, развели огонь, ночь пореждали. Утромъ было домой собрались; только идемъ мы, значитъ къ Савину болоту, глядь, а слѣдъ-то тутъ: кровищи—страсть! Идемъ, идемъ, стой, говорю, Петруха, гляди вонъ она... Гдѣ?.. говоритъ. Только онъ это сказалъ, а она на насъ, Господи, ты Боже мой, какъ зареветъ, да на дыбу. Петруха её было изъ винтовки. Чикъ!... Осѣчка!... Чикъ!... Опять! Ахъ чтобъ те... (слѣ-

дуетъ непечатное слово). Бросилъ онъ ружье, да на рогатину, а она, подлая, какъ хватитъ по дереву, дерево пополамъ, онъ подъ неё, она ему руку кусать. Господи, твоя воля, думаю, пропалъ человѣкъ; подбѣжалъ я этакимъ манеромъ къ ней сбоку, да и всадилъ ей прямо въ сердце, ну и не шевельнулась...

Въ это время Петръ развязывалъ завернутую въ тряпки руку. Ниже локтя видны были раны величиною въ орѣхъ. Кости были не тронуты.

— Да вотъ тутъ немного поцарапала, проклятая! говорилъ онъ весело, указывая на поясницу, довольный удачей охоты, но былъ все-таки блѣденъ отъ недавно пережитыхъ волненій, побывавъ въ лапахъ страшнаго, разъяреннаго звѣря—матери, потерявшей своихъ дѣтей.

Живя въ Москвѣ, я представлялъ себѣ охотниковъ на медвѣдя какими-то богатырями, особыми людьми. Передо мной

же стояли самые обыкновенные крестьяне землепашцы, небольшого роста, худые мужички, въ худыхъ сермягахъ и лаптяхъ. Оружіе ихъ состояло изъ плохонькаго ружьишка — передѣлки солдатской винтовки пятидесятыхъ годовъ. Кстати сказать: это ружье, какъ кажется, было однимъ во всей деревнѣ, служа общимъ достояніемъ для всѣхъ и всякаго, кто раздобудется порохомъ и свинцомъ. Оружіе это было ненадежное, часто приводившее къ гибели охотника, слишкомъ понадѣявшагося на него. Только одна рогатина и выручаетъ въ неравной борьбѣ человѣка съ медвѣдемъ. Острый ножъ, вершковъ шести, насаженый на толстую березовую жердь, былъ болѣе вѣрнымъ оружіемъ, но и эта березовая жердь ломалась подъ ударомъ медвѣжьей лапы. У мѣста связки ножа съ древкомъ, на ремешкѣ, виситъ небольшая палочка, я забылъ ея названіе, а назначеніе ея то,

чтобы, когда ножъ войдетъ въ тѣло, не давать рогатинѣ пройти сквозь медвѣдя,

Кто-то догадался привести медвѣжатъ и сунуть ихъ къ шкурѣ убитой матери. Медвѣжата такъ и припали къ шкурѣ, высасывая изъ сосковъ еще теплую кровь. Картина вышла оригинальная, но тяжелая, непріятная.

Кругомъ шкуры все еще толпился народъ: кто смѣялся, указывая на медвѣжатъ; мужики постарше были серьезны. Много зла дѣлаютъ имъ медвѣди, утаскивая у нихъ послѣднюю кормилицу-корову, но они все-же, казалось, жалѣли медвѣжатъ, припавшихъ къ шкурѣ матери съ какимъ-то мурлыканьемъ, урчаньемъ.

— Ишь сиротинки бѣдные, сказала какая-то сердобольная баба съ ребенкомъ на рукахъ, чуютъ матку-то.

— Пущай попьютъ крови-то, замѣтилъ кто-то изъ толпы, гляди, Вань, какая дыра это отъ Петрухиной пули. И какъ

она жила два дня? А все-жъ пришла на мѣсто, гдѣ дѣтей взяли, звѣрь, звѣрь и все-же мать!..

— Это вѣрно: звѣрь, а мать! произнесъ задумчиво маленькій мужичокъ-философъ, гладя шкуру медвѣдицы.

— Плоха шкура-то, бура больно, немного дадутъ, добавилъ онъ, тотчасъ-же перейдя отъ философіи къ практическимъ соображеніямъ.

— Ну вы, сироты, насосались, будетъ вамъ! пиная ногой медвѣжатъ, сказалъ Петръ и сталъ собирать шкуру. Онъ былъ очень недоволенъ замѣчаніемъ мужиченки-философа.

Медвѣжатъ съ трудомъ оттащили, они такъ и впились въ соски, вѣроятно чуя по запаху шкуру матери.

Какъ-то тяжело было на душѣ послѣ этого зрѣлища, и я, зайдя къ себѣ въ избу и взявъ удочки, отправился на рѣку. Рыба совершенно не брала.

V.

Я—бѣглый, англичанинъ шпіонъ. Я оставляю деревню. Гроза, уженье рыбы. Слухи о желѣзной дорогѣ. Въ УстьсюйMскѣ.

Когда я вернулся въ избу, тамъ уже было много народа, почти все населеніе деревни. Какой-то очень суроваго вида, сутуловатый старикъ заговорилъ со мной о Богѣ, о Св. Писаніи. Толпа обступила насъ и внимательно слушала. По всему было, видно, что народъ, подозрѣвая во мнѣ нехристя или что-нибудь вродѣ этого, выпытывалъ, каковы были мои религіозныя убѣжденія. Я объяснялся, какъ умѣлъ, и диспутъ, въ которомъ я игралъ пассивную роль, поддакивая старику, продолжался недолго, тѣмъ болѣе, что познанія старика были вполнѣ примитивны, ограничиваясь перечисленіемъ какихъ-то

будто-бы священныхъ книгъ, о которыхъ я не имѣлъ никакого понятія. Результаты диспута были для меня весьма благопріятны; старикъ, казалось, убѣдился, что я не еретикъ-англичанинъ и перемѣнилъ гнѣвъ на милость, ласково разговаривая со мной въ концѣ бесѣды.

— Слушай-ка, братъ, заговорилъ со мной хозяинъ вечеромъ, когда народъ ушелъ, сегодня меня сотскій спрашивалъ, кто, говоритъ, у тебя такой есть гость, надо спросить у него паспортъ, а то вчера вѣсть дана — урядникъ близко, ну, какъ нагрянетъ, погубишь-ты меня совсѣмъ.

— Полно, говорю, я губить тебя не стану, а ты позови завтра сотскаго сюда, я ему и покажу свой паспортъ.

Хозяинъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня. „Бѣглый, а хвалится паспортомъ“, думалъ, вѣроятно, онъ.

— А то, парень, ѣхалъ-бы ты дальше

съ Богомъ, пока урядникъ то не пріѣхалъ, говоритъ опять озабоченный тяжелой думой хозяинъ.

Я разсмѣялся.

— Да ты что, говорю, бѣглымъ что-ли меня считаешь?

— А кто тебя знаетъ, наше дѣло крестьянское, люди мы темные. Чудныя про тебя штуки говорятъ: бабы баютъ англичининъ, мѣста списываетъ, и планъ-то твой видѣли; чу, въ плѣнъ англичанинъ хочетъ взять. Нынѣ ребятишки на островѣ видѣли тебя въ двухъ мѣстахъ заразъ, колдунъ, баютъ,—вездѣ видно.

— Ну а по твоему, кто я такой?

— Конечно, гдѣ мнѣ знать? Сказкамъ бабьимъ я не вѣрю, а вотъ мы промежъ себя, мужики толкуемъ, что ты бѣглый. Изловить тебя не хотимъ, потому дѣло не наше, Богъ тебя разсудитъ, ну, а коли начальство... Тогда намъ бѣда! Шу-

точное дѣло: на этакой посудинѣ такую даль ѣхать!

Такъ говорилъ мой хозяинъ, то сожалѣя меня, то безпокоясь за свою судьбу, пріютивши въ своемъ домѣ бѣглаго. Я кое какъ старался дать понять, что я совсѣмъ не то, что они обо мнѣ думаютъ, но, кажется имѣлъ въ этомъ мало успѣха.

На другой день пришелъ сотскій съ десятскими, понятыми и со всѣми мужиками. Стали искать грамотнаго, умѣющаго читать гражданское письмо и изъ 50 душъ нашлось двое, едва умѣющихъ разбирать церковную печать. Пришлось самому читать, что было написано въ билетѣ.

— Та-акъ, протянулъ сотскій съ важнымъ видомъ, когда я прочелъ паспортъ, значитъ ундеръ-офицеръ, царю и отечеству служишь.

Они опять не поняли меня, но я былъ доволенъ и унтеръ-офицерскимъ званіемъ

и концомъ мрачныхъ подозрѣній относительно моей особы. Я прожилъ въ этой деревнѣ трое сутокъ и собрался наконецъ въ путь, не смотря на продолжавшійся еще сильный вѣтеръ.

Въ этотъ день мнѣ пришлось сильно помучиться: то я медленно плылъ, прибиваемый волнами къ крутому, постоянно обваливавшемуся берегу, у котораго вода кружилась, кипѣла, обдавая брызгами и пѣной, а огромныя глыбы красной глины грозили подчасъ задавить меня своей массой; то тащилъ по веревкѣ лыжи, увязая по колѣно въ наносномъ пескѣ. Страшная гроза съ ливнемъ, продолжавшимся болѣе часу, застала меня на открытомъ мѣстѣ среди огромной песчаной отмели. Накрывшись парусомъ и наскоро нарубленными вѣтками ивняка, цѣлый часъ я просидѣлъ въ ямѣ, которая наполнилась водой, и гдѣ комары, нахально воспользовавшись моей беззащитностью,

буквально ѣли меня. Темнота была страшная; удары грома были безпрерывны и оглушили меня совсѣмъ. Когда гроза кончилась, и я воротился къ лыжамъ, то былъ похожъ на мокрую кошку, брошенную въ воду съ цѣлью утопленія. Скорѣй за весла, развивать теплоту въ тѣлѣ механическимъ путемъ. Наступала ночь. Я присталъ къ берегу и расположился въ промоинѣ, образовавшей изъ себя нѣчто въ родѣ пещеры. Съ трудомъ нарубивъ мокрыхъ сучьевъ, я развелъ костеръ и занялся варкой чая. Ѣсть было нечего, въ ящикѣ, по безпечности моей, не было ничего, кромѣ куска черстваго хлѣба. Пришлось и этимъ довольствоваться. Сидя въ пещерѣ, около дымившагося костра, я представлялъ, вѣроятно, странную картину: нѣчто въ родѣ Робинзона на необитаемомъ островѣ. Передо мной были дикія мѣста. Устье какой-то рѣчки и цѣлая гора намытаго пе-

ску. Кругомъ лѣсъ, темный, непроходимый, таинственно чернѣлъ въ сумракѣ пасмурнаго вечера. Мѣсто для уженья было великолѣпное: чистое, очень глубокое, опускавшееся террасами дно. Какъ тутъ не соблазниться, даже не смотря на свое мокрое, голодное усталое состояніе? И я соблазнился. Прямо, не сходя съ мѣста, съ кружкой чая въ рукахъ, забросилъ я свою удочку съ бубенчикомъ. Не долго мнѣ пришлось ждать: бубенчикъ даже не звякнулъ, а удилище прямо пошло въ воду, едва я успѣлъ его схватить. Леса натянулась, какъ струна, пошла въ одну сторону, потомъ въ другую. Ухватка окуня. Снасть надежная, и черезъ минуту вывожу огромнаго полосатаго звѣря, окуня фунта въ два, если не болѣе. Все было забыто—и голодъ и холодъ. Продолжаю удить и хоть-бы что. Дасада! Треплютъ насадку ершишки, раки и ни одной хорошей поклевки. Окунь

былъ самоубійцей, одинокимъ иппохондрикомъ. Наконецъ я отправился въ путь. До разсвѣта ѣхать было такъ худо, что я не разъ приходилъ въ отчаяніе.—Попавъ въ область холодныхъ ключей, я замерзалъ отъ холода; кругомъ ничего не видно въ бѣломъ, молочнаго цвѣта туманѣ. Крутые, сѣрой, грязнаго цвѣта, глины, берега, какъ-бы горѣли. Сквозь эту глину просачивались холодные ключи, отъ которыхъ, какъ дымъ, шелъ густой бѣлый паръ, пронизывавшій меня до костей. Но скоро паказалось солнце, стало тепло, тихо. Мои лыжи быстро скользили межцу плотовъ, стоявшихъ по берегамъ, за вѣтромъ. Я огибалъ все это время большой мысъ. Проѣхавъ десять верстъ отъ села Шеговары, я опять былъ около него. Голодный, какъ степной волкъ, бросился я въ деревню отыскивать пищу своему пустому въ теченіе почти сутокъ желудку, но никто мнѣ ни-

чего не продаетъ, каждый указываетъ на сосѣда. Я мечусь отъ одной избы къ другой, изрыгаю проклятія, готовый побить физіономіи сонныхъ, апатичныхъ „сараевъ“, отвѣчающихъ на мои мольбы о пищѣ отвратительнымъ „а ты чей будешь?“

— Да чортъ васъ возьми, кричу я въ азартѣ, чей бы ни былъ, я ѣсть хочу!

— Нее... тянетъ мой мучитель, ничего нѣтути у меня, а вонъ рядомъ иди въ избу.

Наконецъ одна сердобольная баба сжалилась надо мной и продала мнѣ десятокъ яицъ и два житныхъ пирога. Я проглотилъ все это, конечно, въ сыромъ видѣ, моментально и тотчасъ же почувствовалъ восторгъ существованія.

Во время моего завтрака ко мнѣ подошелъ какой-то субъектъ, несшій въ рукѣ страннаго вида мѣдную посудину: нѣчто въ родѣ свинченыхъ двухъ полушарій.

— Послушайте, заговорилъ онъ, вѣжливо снимая шапку, нельзя ли въ вашей лодкѣ переправиться на ту сторону, рабочимъ вотъ водки нужно.

Это былъ, какъ видно, предлогъ заговоритъ со мной. На самомъ-же дѣлѣ онъ удовлетворялъ свое любопытство, жадно разсматривая лыжи.

— Нѣтъ, говорю я ему, моя лодка двоихъ не подниметъ, а одному вамъ дать её боюсь — утонете, да и мнѣ некогда. Вы съ плотовъ?

— Да, я приказчикъ купца (онъ назвалъ фамилію), плоты гонимъ въ Архангельскъ, сказалъ онъ и потомъ, помолчавъ немного, прибавилъ:

— А вы своей лодкой много шума надѣлали, наши рабочіе только и говорятъ, что о васъ: будто на птицѣ ѣдете, на лебедѣ — извѣстно народъ необразованный!

— Я это слышалъ.

— А я такъ полагаю, не инженеръ-ли вы, т. е. значитъ водомѣръ, воду мѣряете. Слышали мы, въ Архангельскъ желѣзную дорогу ведутъ, глубокомысленно замѣчаетъ приказчикъ.

— И объ этомъ я слышалъ, но только я не водомѣръ.

Онъ недовѣрчиво улыбнулся и замолчалъ.

— Ну-съ, счастливаго пути-съ! а я вотъ возьму лодку у перевозчика да назадъ живо её пригоню, сказалъ онъ, прыгая въ лодку и отправляясь па ту сторону Ваги.

Утро было тихое, теплое. Сорокъ верстъ до Устьсюймска я сдѣлалъ часа въ три и къ полудню былъ уже у устья рѣки Сюймы. Показалась деревянная сѣрая церковь погоста на горѣ среди высокихъ елей, вплотную росшихъ съ колокольней. Я въѣхалъ въ Сюйму, небольшую рѣчку, по быстротѣ и мелководью больше похожую на ручей. Воды въ ней

было мѣстами не болѣе четверти, и я тащился на своемъ экипажѣ по песку, задѣвая веслами за берегъ и узенькіе плотики, бревна въ четыре. Наконецъ ѣхать стало дальше нельзя. Я оглядѣлся, ко мнѣ подходилъ какой-то крестьянинъ.

— Что землемѣръ дома? спрашиваю его. Давно пріѣхалъ?

— Дня три, какъ здѣсь, не знаю, дома ли, чай, въ лѣсу. А ты кто будешь?

Я объяснилъ, что пріѣхалъ въ гости къ землемѣру. Мужичокъ, оказавшійся старостой деревни, сдѣлался любезенъ и услужливъ; съ помощью его я перебрался со своимъ багажомъ въ квартиру С-ва, котораго не было дома.

Напившись чаю, наѣвшись ухи, сваренной изъ привезеннаго мною окуня, я уснулъ на повитѣ мертвецкимъ сномъ бурлака, тянувшаго лямку цѣлую недѣ-

лю. Открываю глаза: передо мною стоитъ С-въ.

— Вы-ли это? говоритъ онъ, а я ужъ хотѣлъ васъ въ поминанье записать, такія бури были.

— Живъ, говорю, живъ и даже процвѣтаю.

Цѣлую недѣлю не видалъ я цивилизованнаго человѣка и потому обрадовался С-ву, какъ родному.

VI.

Три дня въ Устьсюймскѣ. Охота на птицу и звѣря. Разные способы охоты. Медвѣдь-бычъ хозяйства сѣверныхъ крестьянъ. Способы и случаи охоты на медвѣдя.

Три дня я прожилъ въ Устьсюймскѣ, проводя это время за уженьемъ рыбы на Вагѣ, Сюймѣ и лѣсныхъ озерахъ и бродя по лѣсамъ.

Окрестности Устьсюймска, — одно изъ самыхъ глухихъ мѣстъ западной части Архангельской губерніи. Огромныя пространства покрыты лѣсами, принадлежащими Удѣльному вѣдомству. Въ этихъ лѣсахъ множество озеръ, служащихъ убѣжищемъ массѣ разной водяной дичи: лебедей, гусей, утокъ, гагаръ, куликовъ.

Рыбы также много, но ловитъ её сѣтями въ большинствѣ этихъ озеръ крестьяне считаютъ невозможнымъ, вслѣдствіе затопленныхъ на днѣ деревьевъ, а также по убѣжденію, что озера эти бездонныя. Дѣйствительно, озера эти очень глубоки. Всѣ они круглыя и дно ихъ имѣетъ форму воронки.

Мѣста для ружейной охоты здѣсь замѣчательныя. Въ лѣсахъ, кромѣ водяной и лѣсной пернатой дичи, водятся во множествѣ олени, лоси, медвѣди, рысь, куница и т. д., но если вы спросите здѣшняго охотника объ охотѣ вообще, онъ

будетъ вамъ говоритъ о стрѣльбѣ бѣлки и медвѣдя. Всякій крестьянинъ, а здѣшній въ особенности, не любитъ тратить заряда на тетерева, рябчика, утку, онъ бережетъ его на болѣе крупную дичь, которая, кромѣ мяса, даетъ еще и шкуру, пухъ, перья; вся же остальная дичь, не исключая медвѣдя, ловится силками и капканами. Оригиналенъ способъ ловли тетерева въ здѣшнихъ мѣстахъ. Способъ этотъ похожъ на ловлю рыбаками щукъ въ полую воду. На опушкѣ лѣса, на подсѣкахъ и вообще на любимыхъ полевиками мѣстахъ, въ землю втыкаются прутья въ видѣ воронки, имѣющей верхній діаметръ аршина въ два. По бокамъ такой корзины—норота ставятся шесты на подставкахъ такъ, чтобы концы шестовъ, съ привязанными къ нимъ пучками овса, находились какъ разъ надъ корзиной...

Тетеревъ, садясь на конецъ шеста,

чтобы добыть овесъ, падаетъ въ корзину, отъ перемѣщенія центра тяжести. Такимъ образомъ бываетъ, что въ корзину набивается до десятка и болѣе этихъ неуклюжихъ, глупыхъ птицъ, которыя уже не въ состояніи подняться изъ корзины.

Лебедя бьютъ на озерахъ съ челнока, замаскированнаго прибрежными кустами. Это очень трудная охота, какъ по осторожности этой птицы, такъ и по незначительности величины цѣли — головы и шеи. Кромѣ того, челнокъ—это неудобнѣйшій инструментъ въ мірѣ: корыто, въ которомъ не только повернуться, вскинуть ружье, но и вынуть изъ кармана спички, чтобы закурить папиросу, бываетъ очень опасно.

Здѣшная порода собакъ, остроухихъ, остромордыхъ, бѣлой по большей части шерсти, чрезвычайно смышленая и съ прекраснымъ чутьемъ. Собаки эти упо-

требляются на всякаго рода охоту: прекрасные сторожа, они гоняютъ зайцевъ, особенно хорошо отыскиваютъ бѣлокъ, съ ними ходятъ на куропатакъ, рябчика, медвѣдя и т. д. Хозяева ихъ не кормятъ: проѣзжая проселкомъ по Вологодской и Архангельской губерніи, вы можете увидать много такихъ псовъ, занимающихся въ поляхъ, въ одиночку, охотой на мышей, ласокъ, горностаевъ.

Прирученныхъ звѣрковъ и звѣрей здѣсь вездѣ много. На главной улицѣ г. Вельска вы увидите, бѣгающихъ по тротуару, большихъ уже медвѣжатъ, часто лазающихъ по заборамъ и въ чужихъ садахъ. Гонятъ-ли плоты, вы также непремѣнно увидите на плоту медвѣжонка или двухъ, привязанныхъ къ шалашу плотовщиковъ. Я видѣлъ у одного крестьянина ручного горностая, который бѣгалъ за нимъ, какъ собаченка и присутствовалъ всегда при обѣдѣ и ужинѣ семьи.

Охота на медвѣдя всегда и вездѣ бываетъ интересна по своей рискованности, вслѣдствіе силы и кровожадности этого звѣря. Въ здѣшнихъ мѣстахъ медвѣди— жестокій бичъ крестьянъ. Въ одной Вологодской губерніи звѣрями истребляется разнаго скота на сумму до 200 тысячъ рублей. Стоимость вреда, наносимаго медвѣдемъ, составляетъ болѣе половины этой суммы, такъ какъ медвѣдь не трогаетъ мелкихъ животныхъ, а нападаетъ большей частью на коровъ и лошадей. Правильная охота облавами здѣсь рѣдко производится, и вся борьба со звѣремъ ложится на крестьянина съ его плохимъ ружьишкомъ и допотопной рогатиной. Медвѣди такъ смѣлы и жадны, что бываютъ случаи, когда *медвѣдь въ одинъ* прекрасный день заходитъ въ деревню и спокойно прогуливается по улицѣ, вызывая со стороны населенія ужасъ: бабы хватаютъ ребятишекъ, запираютъ ворота

и избы, а медвѣдь, пока мужики бѣгутъ съ поля съ топорами и кольями, спокойно уходитъ въ лѣсъ, вѣроятно, недовольный своей неудачной экскурсіей, не зарѣзавъ безъ призора оставленной коровы. Такъ случилось однажды ранней весной въ одной деревнѣ, сосѣдней съ Усть-сюймскомъ, когда еще скотина не была выгнана со дворовъ.

Мѣстная охота на медвѣдя находится здѣсь, какъ я уже упомянулъ, въ первобытномъ состояніи, съ ружьями или очень плохой тульской выдѣлки или передѣланными изъ солдатской винтовки 50-хъ годовъ. Есть и мѣстныя, т. е. дробовики. Это просверленый, желѣзный стержень, калибръ котораго не шире толщины мизинца. Кромѣ того, у многихъ крестьянъ встрѣчаются старинныя пищали, голландскаго и англійскаго издѣлія XVI столѣтія. Длиною такая пищаль немного меньше сажени, ложе во весь стволъ,

вѣсомъ въ полпуда, съ огромнымъ сложнаго устройства пружиннымъ замкомъ и сошкой: крестьяне, показывая мнѣ такія пищали, объясняли, что онѣ сильно и мѣтко бьютъ, почему и предпочитаются на охотѣ на медвѣдя другимъ. Эти ружья передаются изъ рода въ родъ, но не особенно берегутся, я видѣлъ кочерги и ухваты, сдѣланные изъ такихъ допотопныхъ орудій.

Мѣстные крестьяне землепашцы рѣдко охотятся на медвѣдя изъ-за шкуры, т. е. промышленниковъ-охотниковъ между ними мало. Идти на этого страшнаго звѣря вынуждаетъ ихъ месть за зарѣзанную скотину. Есть впрочемъ и настоящіе охотники, посвятившіе себя этому опасному промыслу: это мѣщане городовъ и запасные солдаты, отказавшіеся отъ обработки земли, дающей имъ скудную жатву; къ числу охотниковъ надо отнести и лѣсныхъ сторожей Удѣльнаго Вѣдомства.

Охотники на медвѣдя оканчиваютъ свою дѣятельность очень плачевно, попавшись въ лапы звѣря, но иногда составляютъ своимъ промысломъ и состояньице: такъ въ Вельскѣ живетъ и теперь одинъ старичекъ мѣщанинъ, убившій на своемъ вѣку до 70 медвѣдей; на городскомъ базарѣ у него лавочка, гдѣ онъ, торгуя разнымъ мелочнымъ товаромъ, доживаетъ свой вѣкъ, благословивъ своихъ сыновей на тотъ-же промыселъ. И это было при обстоятельствахъ, когда шкура медвѣдя стоила отъ 3 до 10 и 15 рублей, теперь-же она доходитъ до 40 и 60 рублей. Это послѣднее обстоятельство заставляетъ иногда бѣднаго, часто обремененнаго большимъ семействомъ крестьянина, тайно ото всѣхъ, съ одной рогатиной идти на бродячаго медвѣдя. Какія раздирающія душу драмы совершаются здѣсь! Какое тупое отчаяніе написано на лицахъ этихъ несчаст-

ныхъ, забитыхъ нуждой людей, не задумывающихся идти одинъ на одинъ съ плохонькой рогатиной на борьбу со звѣремъ! Достаточно сказать, что сосѣдніе крестьяне Олонецкой губерніи, идя на охоту, надѣваютъ панцыри изъ лыка. Это указываетъ, какая бываетъ борьба человѣка со звѣремъ, которому онъ сопротивляется даже лежа подъ нимъ.

Надо замѣтить, что мѣстные жители, кромѣ страха передъ силой и кровожадностью медвѣдя, питаютъ еще къ нему суевѣрный страхъ, приравнивая его, за его смышленность и продѣлки, къ человѣку. Такъ если вы спросите, отчего они не ѣдятъ медвѣжьяго мяса, они скажутъ вамъ, что, когда снимется съ медвѣдя шкура, онъ совсѣмъ похожъ на человѣка.

Это суевѣріе часто гибельно дѣйствуетъ на малодушныхъ охотниковъ. Они вѣрятъ, что медвѣдь понимаетъ человѣ-

ческія слова. Вотъ два случая, въ которыхъ ярко высказывается ихъ суевѣріе.

Одинъ запасный солдатикъ, набравшись храбрости на службѣ и придя домой въ деревню, во что̀ бы то ни стало хотѣлъ побороться съ медвѣдемъ. Какъ-то выслѣдивъ здороваго, крупнаго самца-стервятника, онъ подговорилъ своихъ односельчанъ идти на охоту. Отправились, нашли звѣря, солдатикъ бросился на него съ рогатиной, рогатина пополамъ, охотникъ подъ медвѣдемъ. Товарищи его растерялись и не знаютъ, что дѣлать: и стрѣлять боятся, чтобы не убить охотника и подойти боятся съ рогатиной. А медвѣдь подмялъ подъ себя солдата, не трогая его, выжидаетъ нападенія остальныхъ. Солдатикъ, лежа подъ медвѣдемъ, не растерялся, тихонько освободивъ руку, онъ засунулъ ее въ пасть звѣрю и схватилъ его за языкъ. „Ребята, кричитъ онъ, бейте его, коли-

те, онъ не тронетъ васъ, я держу крѣпко!“ Но трусы шли уже на утекъ, крича „съѣстъ“! Какъ только они закричали, медвѣдь вырвалъ кусокъ мяса у несчастнаго охотника, но тотъ продолжалъ держать медвѣдя за языкъ и умолялъ товарищей бить медвѣдя, а тѣ уже въ это время бѣжали, крича „съѣлъ!“ Такъ разсказывалъ мнѣ крестьянинъ, ударяя на словахъ „съѣстъ“, „съѣлъ“ и объясняя, что медвѣдь понялъ эти слова, а если-бы они не кричали, то медвѣдь не тронулъ бы солдата. Братъ погибшаго солдата избилъ жестоко всѣхъ товарищей по охотѣ на этого злополучнаго медвѣдя, какъ говорилъ мнѣ тотъ-же крестьянинъ, и навсегда ушелъ изъ своей деревни. Я не догадался спросить разсказчика: не былъ-ли онъ однимъ изъ побитыхъ?

Другой охотникъ, выслѣдивъ медвѣдя, встрѣтилъ на дорогѣ артель плотниковъ и, уговоривъ ихъ идти съ нимъ, вооруу-

жилъ кольями. Понятно, какова была охота съ такими товарищами. Пистонъ единственнаго ружья осѣкся, и охотникъ очутился подъ медвѣдемъ, а артель вся убѣжала сейчасъ-же; убѣгая, они слышали, какъ несчастный охотникъ умолялъ медвѣдя не трогать его: „Мишенька, голубчикъ, милый, оставь, Миша!“ И долго мужичекъ разными ласковыми словами упрашивалъ медвѣдя оставить его живымъ. Собравшійся изъ деревни народъ нашелъ его цѣлымъ, неполоманнымъ, но съ выѣденнымъ лицомъ.

Менѣе опасный родъ охоты на медвѣдя представляетъ собою охота съ лабаза и зимой на залегшаго въ берлогу. Самая-же опасная: лѣтомъ на бродячаго. Обезумѣвшій отъ горя крестьянинъ, узнавъ отъ пастуха о нападеніи на его корову медвѣдя, часто бѣжитъ въ лѣсъ, не захвативъ никакого оружія, кромѣ топора, чтобы спасти хоть коровью шкуру.

Иногда удается спугнуть медвѣдя и снять съ зарѣзанной коровы шкуру, чаще-же всего голодный звѣрь безъ борьбы не уступаетъ своей добычи. Одинъ мужичокъ прибѣжалъ такъ къ зарѣзаной скотинѣ и въ темнотѣ натолкнулся на медвѣдя, лежавшаго на коровѣ. Набравъ полную пасть крови медвѣдь облилъ ею съ головы до ногъ мужичка. Обливаніе кровью, а чаще всего—жеванной черникой, медвѣдъ практикуетъ нерѣдко при встрѣчахъ въ лѣсу съ человѣкомъ.

Лабазъ устраивается обыкновенно около зарѣзанной скотины, къ которой медвѣдь ходитъ по начамъ, или на овсахъ.

Разсказываютъ еще объ одномъ оригинальномъ способѣ охоты на медвѣдя: это ловля его живьемъ. На овсахъ ставятъ будто-бы кадку съ водкой, выпивъ которую медвѣдь безъ чувствъ падаетъ неподалеку, и лежитъ, какъ тѣла нашихъ крестьянъ у порога кабака. Но этой ло

влѣ медвѣдя живьемъ можно и не повѣрить.

Скотина здѣсь обыкновенно пасется въ лѣсу, сюда-то и приходитъ медвѣдь за добычей. Сидя въ засадѣ, онъ выжидаетъ, когда корова или лошадь подойдетъ поближе къ нему, тогда онъ бросается къ ней на спину, ломая спинной хребетъ. Корова, конечно, не можетъ отразить нападеніе медвѣдя, но лошадь можетъ избѣжать своей участи, поэтому медвѣдь не нападаетъ на нее такъ смѣло, какъ на корову. Увидя лошадь, онъ сначала рявкнетъ, отчего та падаетъ съ испугу на колѣна. Случаи борьбы домашнихъ животныхъ съ медвѣдемъ, окончившіеся въ пользу первыхъ, очень рѣдки, но не задолго до моего пріѣзда въ одну деревню случилось такое происшествіе, о которомъ съ видимымъ удовольствіемъ разсказывалъ одинъ крестьянинъ. Это борьба быка (по здѣшнему поросъ) съ

медвѣдемъ. По разсказу пастуха, быкъ отойдя отъ стада, замѣтилъ притаившагося медвѣдя и, когда тотъ хотѣлъ на него броситься, быкъ, ловкими маневрами прижавъ врага къ соснѣ, сталъ наносить ему удары рогами въ грудь. Когда быкъ отступалъ, вытаскивая рога изъ медвѣдя, тотъ мертвый, понятно, валился впередъ на быка, который, обезумѣвъ отъ страха, воображая врага еще живымъ, билъ рогами до тѣхъ поръ, пока не разбилъ себѣ сначала рога, а потомъ и голову. Обоихъ враговъ нашли мертвыми: медвѣдя исколотаго, какъ рѣшето, а быка съ разбитой головой. Чрезвычайно характерная борьба за существованіе, но случаи такіе рѣдки. Обыкновенно домашнія животныя безсильны передъ медвѣдемъ, сила котораго, по словамъ одной богомолки, равна 12-ти лошадинымъ силамъ. Какимъ силомѣромъ богомольная старушка испытывала силу этого звѣря—

не знаю, но, очевидно, она заблуждалась. Знаю только, что одинъ медвѣдь, въ теченіе одного лѣта можетъ разорить нѣсколько крестьянскихъ хозяйствъ.

VII.

Устье Ваги. Близость Двины. Картины природы. Ночь у костра на перевозѣ. Меркулычъ и Митричъ.

Великолѣпное іюльское утро встрѣтило меня на Вагѣ. Я простился съ С-мъ, Устьсюймскомъ и поплылъ къ Березникамъ, до которыхъ было недалеко, верстъ 60. Близился конецъ моему путешествію.

И тутъ-то впервые я сталъ бояться этого конца. Меня пугала мысль, что скоро кончится моя свободная жизнь среди природы, и я опять очутюсь во власти людей, подчиняясь всѣмъ тѣмъ условіямъ, которыя составили люди для того, чтобы мучить другъ друга.

Я такъ одичалъ за это время, что сталъ бояться цивилизованныхъ людей; о существованіи ихъ въ одно время я совсѣмъ забылъ, видя передъ собой только дикія картины природы и изрѣдка ея дѣтей, которыя не выдѣлялись, не составляли исключенія, какъ мы, въ жизни природы; ихъ жизнь сливалась съ нею, представляя нѣчто цѣлое, гармонію.

Къ полудню погода стала портиться. Я замедлялъ свое движеніе частыми остановками для уженья. Въ одномъ мѣстѣ взяла у меня на червя огромная рыба, породу которой опредѣлить не могъ по одной верхней губѣ, вытащенной на крючкѣ. Я не помню, что со мной дѣлалось, когда на поверхности воды показался отливавшій на солнцѣ золотомъ бокъ этой рыбы, четверти въ три длиной... еще одинъ мигъ и все исчезло, какъ волшебный сонъ, какъ мечта поэта. Въ отчаяніи я рѣшилъ не удить до Двины

и помчался на всѣхъ парахъ къ устью Ваги. Она становилось все шире. Берега крутые. Лѣвый берегъ представляетъ изъ себя возвышенность, перерѣзываемую однообразно, черезъ каждую сотню саженъ, глубокими балками, такъ что съ рѣки кажется, что это рядъ узкихъ холмовъ, которые, встрѣчаясь съ рѣкою, разрѣзываются ея русломъ, образуя береговыя плоскости въ видѣ правильнаго, усѣченнаго треугольника. На вершинахъ этихъ треугольниковъ, отвѣсная площадь которыхъ лишена растительности и представляетъ изъ себя массу песку или глины, видны деревушки, избы которыхъ кажутся величиною не болѣе карточныхъ домиковъ; изрѣдка бѣлѣетъ церковь погоста, окруженнаго красивыми группами хвойныхъ деревьевъ.

По дну балокъ, выложенныхъ камнями, текутъ съ горъ ручьи; крутые берега оврага поросли густымъ лѣсомъ или мел-

кимъ кустарникомъ ольшняка, черемухи, шиповника и по этимъ обрывамъ повсюду зигзагами бѣгутъ живописныя тропинки.

Но вотъ, лѣса прерываются. Куда ни взглянешь, повсюду однообразный сѣро-желтый цвѣтъ глины. Вмѣсто лѣсовъ, по гребню холмовъ тянется низкорослый кустарникъ. Вмѣсто живописныхъ деревушекъ и погостовъ, изрѣдка встрѣчаются некрасивые сараи кирпичнаго завода съ огромными выемками въ береговой кручѣ и съ набросанными по ней досками и тачками. Но не долго тянется эта однообразная картина, вскорѣ опять показался дремучій лѣсъ, устье рѣки, гдѣ, утопая въ зелени, расположился цѣлый рядъ построекъ смолокуреннаго завода.

Шелъ сначала мелкій дождь, окончившійся ливнемъ, промочившимъ меня насквозь. Трепала лихорадка; руки распухли и кожа на нихъ сдѣлалось красно-багровою. Я уже не надѣялся въ этотъ

день попасть въ Березники, да и было-бы безполезно мнѣ, на моемъ снарядѣ, попасть куда-либо ночью, кромѣ лѣса.

Вечерѣло. Я лавировалъ между островами и часто, разлетѣвшись, попадалъ на исады (мели), гдѣ проходилось слѣзать съ лыжъ и брести по колѣна въ пескѣ, держась за спинку своего снаряда, который крутился, вертѣлся отъ противоположныхъ теченій; иногда мель оканчивалась глубокимъ омутомъ, и я едва успѣвалъ вскакивать на лыжи, продѣлывая всевозможныя эквилибристическія упражненія, дабы не окунуться въ вырытую теченіемъ яму. Мѣста стали кругомъ еще глуше. Боже, что это была за мрачная, тяжелая мѣстность! Все темно-грязнаго цвѣта, — и берега и острова изъ темной глины безъ всякой растительности, а лѣсъ совершенно черный, огромный съ наваленными горами бурелома. Прибавьте къ тому-же гробовую тишину и пасмурное,

свинцовое, вечернее небо. Даже чайки и тѣ не нарушали своимъ противнымъ крикомъ эту тишину. Изрѣдка только послышится въ лѣсу трескъ валежника подъ ногами оленя или медвѣдя. Кругомъ не видно никакого живого существа. Только по временамъ молчаливо перелетаютъ съ мѣста на мѣсто кулики-сороки. Этихъ красноногихъ и красноносыхъ птицъ, во множествѣ водящихся здѣсь, я принималъ сначала за простыхъ сорокъ.

Небо стало проясняться. Солнце, огромнымъ багроваго цвѣта шаромъ, было уже на половину за горизонтомъ. Водяная даль окрасилась лучами заката. Вотъ, вдали изъ рѣки словно вынырнулъ какой-то длинный предметъ, силуэтъ котораго неясно выдѣлялся на горизонтѣ. Барка, должно быть, думаю я, быстро плыву, желая догнать судно. Но каково-же было мое удивленіе, когда я, подъѣ-

хавъ ближе къ предполагаемой баркѣ, увидалъ среди воды стоявшій замокъ-башню съ зубцами и окнами, въ которыхъ виднѣлся свѣтъ! Думая, что это миражъ, обманъ зрѣнія, быстро мчусь къ этимъ развалинамъ... и что-же? Передо мной высокій въ видѣ башни, цилиндрической формы островъ изъ сѣрой глины, съ вершиной, поросшей кустами. Лучи солнца, скользя по бокамъ этой глыбы, обманывали путника, принявшаго свѣтовыя пятна за окна, освѣщенныя извнутри.

Наконецъ, показалась бѣлая церковь и за ней множество избъ разбросанныхъ въ долинѣ. Это село Усть-Вага, большое торговое село, находящееся при устьѣ Ваги, верстахъ въ 10 отъ Двины. Отыскавъ перевозчиковъ, моихъ всегдашнихъ друзей и покровителей, и втащивъ лыжи на берегъ, я усѣлся у костра, дрожа въ лихорадкѣ, усталый и измученный. Пока

варилась уха и чай, я сталъ разсматривать моихъ новыхъ знакомцевъ.

Эти были два замѣчательные субъекта, прямо противоположные одинъ другому, какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутреннему содержанію. Одинъ изъ нихъ былъ нѣчто въ родѣ хозяина, другой, какъ видно, его помощникъ, работникъ. Первый—старикъ, сухой, средняго роста, очень подвижной и много говорившій. Небольшая сѣдая бородка въ живописномъ безпорядкѣ росла на его желтыхъ сухихъ щекахъ и подбородкѣ. Одѣтъ онъ въ длинный кафтанъ безъ пуговицъ, ноги въ онучахъ и лаптяхъ.

Работникъ его,—круглый, коротенькій человѣчекъ, весь, какъ медвѣдь, обросшій волосами, съ пухлымъ, корявымъ, апатичнымъ лицомъ, выражавшимъ не то затаенную тоску, не то поэтическую грусть. Онъ былъ неповоротливъ, неловокъ и ходилъ, какъ-бы во снѣ. На немъ донельзя

рваные лохмотья сѣраго армяка; кривыя ноги были босы.

Оба эти субъекта суетились около костра. Я далъ имъ по стаканчику водки, и они нѣсколько оживились. Рваный армякъ сталъ не въ мѣру хлопотливъ, не въ мѣру неловокъ.

Я разговорился съ ними. Говорилъ со мной старикъ. Волосатый человѣкъ больше молчалъ, изрѣдка обращаясь къ старику и называя его съ видомъ глубокаго уваженія, Василіемъ Меркулычемъ. Оба они между собой, очевидно, были друзьями и между тѣмъ одинъ въ подчиненіи у другого, какъ всегда бываетъ въ крѣпкой дружбѣ. Наконецъ уха сварилась. Мы поѣли и принялись за чай. Стало совсѣмъ темно отъ тучъ, опять заволочившихъ небо. Костеръ погасалъ. На востокѣ свѣтлѣло. Гробовая тишина; только иногда трескъ горѣвшихъ сучьевъ нарушалъ молчаніе и далеко разносился

въ сыромъ воздухѣ. Я молча пилъ чай, мои товарищи ожидали очереди: кружка была одна. Но вотъ вдругъ въ тишинѣ раздался слабый, стонущій крикъ какой-то птицы. Сидѣвшій около меня волосатый человѣкъ, занимавшійся задумчивымъ ковыряньемъ палочкой костра, вдругъ вздрогнулъ, бросилъ свое занятіе, снялъ шапку и перекрестился.

– Ишь ты, поганая сила! проворчалъ онъ про себя и задумался.

— Это ты кого? говорю я.

— Ась? встрепенулся онъ.

— Кого это ты величаешь поганой силой? повторяю я.

Мужикъ искоса взглянулъ на меня и какъ-бы не понимая вопроса, ничего не отвѣтилъ.

— Это онъ птицу, сказалъ за него старикъ: пужливый онъ, не уважаетъ... А по мнѣ что: знамо, Божья тварь... Воетъ, потому воетъ, что она таковая

есть птица... Человѣкъ разно говоритъ и Божья тварь разно, пустился было старикъ въ философію.

— Оно такъ, знамо, Божья тварь, вдругъ сказалъ армякъ, задумчиво глядя на огонь: оно, конешно, бываетъ всякій звѣрь, всякимъ голосомъ верещитъ, а выходитъ, не онъ самъ—нечистый духъ въ ёй есть...

— Это вѣрно, Митричъ, сказалъ старикъ, всяко бываетъ; да гдѣ намъ знать... Не дано эвто человѣку знать. Слышалъ я отъ стариковъ: душа загубленная въ иной птицѣ сидитъ...

— И болѣсть всякая, добавилъ Митричъ, и помолчавъ, вдругъ какъ-то оживившись, сказалъ: я тебѣ, Василій Меркулычъ, не говорилъ нешто, какъ у насъ въ деревнѣ было дѣло насчетъ болѣсти?

— А ты не здѣшній развѣ? перебилъ я его.

— Нее, мы вологодскіе, съ Вычегды, сказалъ онъ, вставая...

— Ну, такъ-что-же, какое дѣло? разскажи! заинтересовался я, желая отъ скуки послушать, что будетъ разсказывать этотъ философъ.

— Да такъ, самая пустяковина, это промежъ себя я... сказалъ онъ, какъ-бы недовольный, что проговорился.

— А ты скажи барину-то! вмѣшался старикъ. Ишь онъ тебя водкой, чаемъ поитъ, олуха, а ты корячишься, да и я не слыхалъ...

— Да мнѣ што, мнѣ все едино, ладно! Я вотъ только хворостинки добавлю, сказалъ тотъ, идя къ кучѣ натасканнаго имъ хвороста.

Костеръ запылалъ. Я предложилъ будущему разсказчику еще водки для храбрости. Онъ было сталъ отнѣкиваться, но все-таки выпилъ: выпилъ и старикъ. Долго откашливался, кряхтѣлъ и че-

сался Митричъ, не зная съ чего начать, и вдругъ брякнулъ.

— А становой-то, Василій Меркулычъ, нынче проѣдетъ, надо караулить... Сотскій наказывалъ, не проспать бы какъ давеча...

— Да ты что, хрѣнова голова, окрысился на него старикъ, ты что намъ про станового-то, ты дѣло-то говори, что насъ проводишь!...

— Да ладно, я скажу... и онъ опять началъ откашливаться.

— Вотъ, сударь ты мой, началъ онъ вдругъ, заторопившись, тыкая палкой въ огонь, какое дѣло-то было: паренькомъ я жилъ тогда у отца... Ну и появись въ нашей деревнѣ моръ на робятъ, то есть мрутъ они тебѣ, да и только—болѣсть, значитъ, такая нашла... Бабы, знамо, ревутъ, мужики диву даются, никогда этакой напасти не было и не запомнятъ... Оно, конечно, Божья воля, а все-жъ...

Иная съ наговору, съ вѣтру тамъ что-ли, ну а тутъ дѣло вышло особливое: отъ нечистой силы, это болѣсть-то...

Вотъ и случись объ эту пору: повадилась къ намъ подъ деревню летать птица, сидитъ она это на берегу, братецъ мой, и таково жалобно стонетъ, человѣчьимъ голосомъ воетъ кажинную ночь. Слушаютъ это наши мужики: птица небывалая по нашимъ мѣстамъ... съ нея то и началась робячья болѣсть... Думали они, думали, значитъ, да и порѣшили, что это самая болѣсть и есть. Стали про себя разсуждать всѣмъ сходомъ, міромъ значитъ... Убить эту птицу безпремѣнно порѣшили... Порѣшили они, голова, убить эту птицу, а кто её убьетъ, знамо, всякому боязно. Рѣшили они къ Николаю сходить, старичокъ охотникъ такой былъ, бобыль, на своемъ вѣку почитай четыре десятка медвѣдей убилъ. Уперся старикъ, посулили вина поставить, нѣтъ, на сво-

емъ стоитъ; а былъ онъ не нашей деревни, вольный человѣкъ. Что ты будешь тутъ дѣлать? Господи, Твоя воля!... А тутъ еще бабы: безпремѣнно имъ убей сейчасъ...

Такъ вотъ, какое дѣло-то было!...

Разсказчикъ вдругъ замолчалъ, какъ бы потерявъ нить разсказа.

— Ну что-же, убили птицу-то? спросилъ я.

— Птицу-то? повторилъ онъ задумчиво и потомъ оживился. Да, что бишь я говорилъ-то?... Ну, братецъ мой, думали, думали мужики-то, да и порѣшили жребій кинуть... Кинули; достался онъ парню, сусѣда нашего сыну, Трофимомъ звали. Нечего дѣлать, міръ велитъ, надо слушать! Пошелъ онъ, ружье Николай далъ, все обчество за нимъ, всѣ пошли. А въ ту пору птица-то на камушкѣ сидѣла, такая носатая, да зобатая, зобъ-то у ней, вотъ что у ребятъ дѣлалось въ

этой болѣсти. Испужался это Трофимъ-то, трясется, ни живъ, ни мертвъ, видимъ мы, руки-то у него такъ и ходятъ, одначе приложился, бацнулъ, птица такъ и затрепыхалась и лежитъ, убилъ, значитъ, её Трофимъ-то, царство ему небесное... Убилъ это онъ птицу, а самъ лежитъ, значитъ ничкомъ, лежитъ и слова сказать не можетъ. Подступили къ нему всѣ: что ты, говорятъ, Трофимушка, встань! А онъ какъ зареветъ благимъ матомъ, знамо, ему, сердечному было боязно. „Батюшки, говоритъ, свѣты мои, погубилъ я свою головушку“, плачетъ это онъ, да катается по землѣ, пожелтѣлъ весь, бѣдненькій. Ужъ мужики его такъ, этакъ, насилу отлили водой. Ну и что-жъ ты думаешь, сударь мой? Трошка-то вѣдь померъ въ скорости. Вотъ оно, какое дѣло-то было!...

— Ну, а болѣзнь-то прошла? спросилъ я его.

— Болѣсть-то, переспросилъ онъ, впадая опять въ апатичное состояніе, какая болѣсть?

— Да отъ которой дѣти-то умирали, говорю я.

— Болѣсть?... Знамо убили, я-жъ тебѣ сказывалъ, она самая, болѣсть-то, и была, значитъ, духъ нечистый...

Я не оспаривалъ. Спать хотѣлось смертельно. Я забрался подъ доски, приставленныя къ изгороди, — нѣчто въ родѣ шалаша, и вскорѣ уснулъ крѣпкимъ сномъ.

VIII.

Двина. Березники. Въ ожиданіи парохода. Прощай Вага!

Утро было пасмурное, когда я, простившись съ Меркулычемъ и Митричемъ, помчался къ Двинѣ. Черезъ полчаса я былъ уже около нея. По берегамъ за-

мѣтно было оживленіе: масса плотовъ и барокъ стояла между многочисленными островами устья, но Двины все еще не было видно. Вага раздѣлилась на два рукава, образуя высокій зеленый островъ, скрывавшій отъ меня Двину. Я повернулъ въ лѣвый рукавъ. Вода здѣсь бурлила, точно кипятокъ, лыжи быстро скользили по этимъ водоворотамъ. Но вотъ рукавъ кончился, и я выѣхалъ на Двину, эту сѣверную Волгу, широкую, бурную отъ дующихъ здѣсь постоянно сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ вѣтровъ. Не привѣтлива она бываетъ въ бурю, когда поднимутся огромныя волны и забѣгаютъ по нимъ бѣлые барашки: небольшія суда спѣшатъ къ берегу, барки трещатъ, бьются на якорѣ. Я въѣхалъ на самую средину рѣки. Цвѣтъ воды мнѣ показался въ ней свѣтлѣе, чѣмъ въ Вагѣ. Какъ будто немного зеленоватыя волны одна за другой плавно ходили во всю ширину

рѣки. Противоположный берегъ былъ едва замѣтенъ, благодаря дождливому утру. Плоты, тянувшіеся по обѣимъ сторонамъ рѣки, стояли сплошной массой, ожидая очереди двинуться впередъ. Вдали бѣлѣла церковь Березниковъ. Внизъ по рѣкѣ шли подъ парусомъ суда и ни одного парохода. Дождь немилосердно мочилъ меня, проникая за воротъ куртки и голенища сапоговъ; въ воздухѣ холодъ, сырость, а самъ я въ жару. Вотъ показалась мачта пристани, нѣсколько баржъ и другихъ судовъ, три, четыре домишка среди массы дровъ,—это станція Березники.

Поставивъ лыжи у пристани и перетащивъ багажъ въ трактиръ, я помѣстился въ чистой половинѣ, между богомолками и синими чуйками. Въ этой комнатѣ мнѣ пришлось пробыть около двухъ сутокъ, въ ожиданіи подходящаго парохода для себя и своихъ лыжъ. Я лежалъ по большей части на лавкѣ, согрѣваясь

чаемъ, слушая разговоры посѣтителей трактира, служа самъ предметомъ оживленныхъ разговоровъ, часто несообразныхъ съ здравымъ смысломъ. Вѣтеръ свисталъ сквозь щели стѣнъ, оклеенныхъ бумагой, мѣстами порваной, висѣвшей клочьями, мѣстами же исписанной карандашомъ, чернилами, углемъ и какой-то неопредѣленной жидкостью. Отъ скуки я сталъ разсматриватъ стѣны, что къ немалому моему удовольствiю, заняло у меня много свободнаго времени и дало мнѣ матерiалъ для размышленiя.

Прочитанныя мною на стѣнахъ надписи, подписи, стихотворенiя доставили мнѣ столько-же интереса, сколько археологу даютъ iероглифы на памятникахъ египетской культуры. Большая часть стѣнъ оклеена толстой сѣрой бумагой, исписанной стариннымъ, красивымъ съ титлами письмомъ Устьважскою Приказа при Екатеринѣ II. Содержанiе этихъ бумагъ ра-

скрываетъ то обстоятельство, что въ концѣ прошлаго столѣтія въ этой глуши управленіе краемъ было не менѣе цѣлесообразно, чѣмъ теперь при волостныхъ правленіяхъ и становыхъ канцеляріяхъ. Здѣсь были бумаги и о призрѣваемыхъ сиротахъ, о незаконнорожденныхъ, отчеты о веденіи хозяйства, очень подробные и т. д. Чистая бумага была исписана всевозможными надписями, начиная съ молитвы, большей частью Господи воззвахъ... и кончая сквернословіемъ. Главными литераторами были архангельскіе псаломщики, отправлявшіе своихъ дѣтей въ духовное училище, о чемъ свидѣтельствуютъ надписи, въ родѣ того, что такого-то числа имѣли счастіе быть здѣсь псаломщикъ такой-то съ сыномъ или дочерью для того-то и т. д.

Въ одномъ мѣстѣ виднѣлась написанная каракулями такая надпись: „стесь дожиталисъ барахода“ такіе-то, а внизу

красивымъ почеркомъ было написано: „сей зѣло велій мужъ, какъ видно, получилъ самое блестящее подъ колокольней образованіе“.

Большую часть времени проводилъ я во снѣ. Меня будили извѣстіями, что идетъ пароходъ, а я, махнувъ рукой, поварачивался на другой бокъ и засыпалъ мертвымъ сномъ.

Здѣсь опять со мной случился курьезъ по поводу моего страннаго плаванія на лыжахъ: цѣлая компанія синихъ чуекъ, съ хозяиномъ трактира во главѣ, допытывались отъ меня, не инженеръ-ли я, и скоро-ли проведутъ въ Архангельскъ желѣзную дорогу? Они ни за что не хотѣли вѣрить, что я не инженеръ, и всячески, разными услугами и любезностями, хотѣли вымучить у меня роковое признаніе.—Я былъ не въ духѣ, больной, и чтобы отвязаться отъ нихъ обѣщалъ провести имъ не одну, а даже нѣсколько

вѣтвей, и именно черезъ Березники, да вдобавокъ построить мостъ черезъ Двину. Они, наконецъ, оставили меня въ покоѣ.

Часа въ три утра меня разбудили, объявивъ, что въ Вологду идетъ буксирный пароходъ. Я выскочилъ изъ своей тюрьмы и бросился отыскивать капитана. Пароходъ забиралъ дрова съ пристани: матросы и палубные пассажиры таскали на носилкахъ дрова. Я уговорился въ цѣнѣ съ капитаномъ, и, когда окончилась нагрузка дровъ, матросы втащили мои лыжи и проч. на крышу буксира. Самъ я помѣстился въ каютѣ 1-го класса. Трапъ наконецъ сняли, я вышелъ на палубу; наполненную народомъ и бочками трески, издававшей сильный запахъ. На бочкахъ и между бочками помѣщалась огромная толпа зырянъ въ своихъ мѣховыхъ малицахъ съ капорами. Это были годовики-работники, отправлявшіеся на родину изъ Соловецкаго монастыря. На

нѣкоторыхъ были надѣты черныя монашескія скуфьи, что очень не шло къ ихъ заплывшимъ жиромъ физіономіямъ и костюму.

Но вотъ раздалась команда капитана: „отчаливай!" Затѣмъ онъ зычнымъ голосомъ закричалъ: „помолимся Богу!" Всѣ сняли шапки, зыряне откинули свои капоры и стали молиться. „Задній ходъ... передній ходъ!" проговорилъ капитанъ въ трубу машинисту, и пароходъ плавно пошелъ вверхъ по Двинѣ. Прощай Вага!

IX.

На пароходѣ. Лоцманъ Пичугинъ. Богатыя тони. Рыболовство на Двинѣ. Красноборскъ. Двина и ея берега.

На пароходѣ я былъ единственнымъ класснымъ пассажиромъ все время отъ Березниковъ почти до Вологды, чему я

былъ очень радъ, такъ какъ путешествіе наше продолжалось цѣлую недѣлю. Большая общая каюта въ носовой части парохода съ диванами кругомъ и большимъ столомъ посрединѣ была въ полномъ моемъ распоряженіи, и за все это я заплатилъ, кажется, около семи рублей. Послѣ путешествія на лыжахъ по Вагѣ, полнаго неудобствъ, безсонныхъ ночей, опасностей, я могъ теперь отдохнуть, сколько мнѣ хотѣлось.

Рядомъ въ отдѣльныхъ каютахъ, выходившихъ въ коридоръ, помѣщались два лоцмана: одинъ толстый, сѣдой, веселый старичокъ, другой молодой, угрюмаго, суроваго вида. Они дежурили по очереди на вахтѣ, смѣняясь черезъ каждые сутки. Я познакомился съ обоими моими сосѣдями и извлекъ пользу изъ этого знакомства. Толстякъ, лоцманъ Пичугинъ, отлично умѣлъ приготовлять разварную треску и варить уху, что было

мнѣ на руку. Буфета на пароходѣ не было, достать можно было только кипятку, а познакомившись съ Пичугинымъ я согласился съ нимъ столоваться вмѣстѣ. Кромѣ поварскихъ способностей, Пичугинъ обладалъ даромъ болтливости; а разговорчивый собесѣдникъ при скучной пароходной жизни былъ чистый кладъ. Познакомился я съ Пичугинымъ утромъ на другой день моего пребыванія на пароходѣ. Я сидѣлъ за чаемъ, когда изъ коридора высунулась ко мнѣ въ каюту веселая, краснощекая физіономія стараго лоцмана.

— Чай да сахаръ!—сказалъ онъ, улыбаясь.

— Милости просимъ,—отвѣчаю я. Зайдите ко мнѣ чайку попить.

— А что, скучно одному! Ну, ладно, сейчасъ приду, только передѣнусь.

Минутъ черезъ пять онъ явился ко мнѣ со стаканомъ и блюдечкомъ.

— А я хорошую покупку сегодня сдѣ-

лалъ, началъ онъ. — И отчаянный-же народъ эти Яренскіе. Какъ чуть выпьетъ, — все ни почемъ. За водку отца родного продадутъ. Малицу я купилъ за четыре рубля... Добрая малица. Въ Вологдѣ пятнадцать дадутъ. Сейчасъ я вамъ ее покажу.

Пичугинъ сходилъ къ себѣ въ каюту и принесъ оттуда малицу.

— Что хороша? — хвастался онъ. Пьяный Зырянинъ промѣнялъ на гармонику матросу, а я у того за четыре рубля купилъ. Да вы смотрите, какой мѣхъ-то, легкость — пухъ одинъ.

Дѣйствительно, малица была прекрасная, мѣхъ двойной изъ пыжика.

— Не продадите-ли ее мнѣ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, ни за что. Обѣщалъ я давно одному барину въ Тотьмѣ достать малицу. А то продалъ-бы.

Мы разговорились съ Пичугинымъ. Онъ

оказался уроженецъ знаменитаго села Опо́къ на Сухонѣ, откуда выходятъ прекрасные лопманы. Пичугинъ велъ пароходъ до Тотьмы и главнымъ образомъ взятъ для провода парохода черезъ опасные пороги Опокъ.

Старикъ былъ словоохотливый, много видалъ на своемъ вѣку, много поразсказалъ онъ мнѣ изъ своихъ путешествій. Онъ засидѣлся у меня часовъ до одиннадцати ночи.

— Поздно, пора и спать, — сказалъ онъ. Глядите-ка въ окно, какъ мѣсяцъ играетъ.

Я взглянулъ въ маленькое окошко каюты. Словно расплавленное серебро переливалась вода, освѣщенная луною. Брызги отъ колесъ, словно огненныя искры летѣли мимо оконъ, волны, одна за одной, то изумруднаго цвѣта, то блестящія, катились передъ окномъ.

— На рубку можно сходить? — спросилъ я Пичугина.

— Отчего-же?... Палубную публику мы не пускаемъ, а вамъ всегда можно. Пойдемте, и я передъ сномъ прогуляюсь.

Мы вышли на палубу. Пассажиры всѣ спали. Темныя тѣла зырянъ въ мѣховои одеждѣ валялись между бочками и походили на какихъ-то диковинныхъ звѣрей. Мы пошли на рубку.

Лоцманъ, товарищъ Пичугина, стоялъ за рулевымъ колесомъ, неподвижно, какъ статуя и зорко глядѣлъ впередъ. Чудная картина открылась передъ нами. Ночь была свѣтлая, какъ день. Лунный свѣтъ былъ такъ силенъ, что далеко освѣщалъ рѣку и берега. Мы лавировали между зелеными островами и грамадными песчанными мелями; на берегу кое-гдѣ виднѣлись огоньки; такіе же огоньки были и на водѣ, на которой замѣчались черными точками лодки.

— Вотъ здѣсь, самыя богатыя тони лещей,—сказалъ Пичугинъ. Разъ это было года три тому назадъ, а пожалуй и больше, о ту пору, какъ лещу нереститься, ночью завели здѣсь одиннадцать неводовъ. И что-же ты, братецъ мой, думаешь, сколько въ одну ночь этого самаго леща попало? Рѣдко это бываетъ, а было. Почитай на каждый неводъ пришлось—тысяча пудовъ. Вотъ ты и считай, сколько этого леща-то поймали. Если класть по рублю за пудъ, на одиннадцать тысячъ въ одну ночь. Богатыя тутъ тони, много народа около нихъ кормится. Въ иной годъ тысячъ на тридцать наработаютъ.

— Куда-же этотъ лещъ идетъ?—спрашиваю я.

— Въ солку и въ Архангельскъ. Много рыбы въ матушкѣ Двинѣ. Только и губятъ ее безъ пощады, травятъ, забои весной на мелкихъ рѣчкахъ ставятъ, не даютъ ей икры выметать. А ужъ и невода— хо-

роши только у богачей, а бѣднота только самодѣльные крюки ставитъ, переметы. Какая эго ловля. То ли дѣло на Волгѣ. А у насъ что. Птица и то умнѣе насъ ловитъ.

— Какая птица?

— А такая есть птица: утка, не утка, съ острымъ носомъ.

— Крохаль?

— А можетъ и такъ, у насъ ее по своему называютъ. Она много помогаетъ въ ловлѣ рыбакамъ, осенью.

— Какъ такъ, помогаетъ?

— Да такъ! Случилось это разъ въ нашей сторонѣ. Извѣстно, что птица эта, по вашему кроха, что-ли, ловитъ рыбу очень ловко. Соберется большущей стаей, и плыветъ рядами, однѣ ныряютъ и подъ водой плывутъ, другіе поверху, тѣ выплывутъ, эти нырнутъ, такъ ровно сѣтью и гонятъ они мелочь въ курью (заливъ). Ну извѣстно за мелочью и крупная идетъ и въ курьѣ рыба кишмя ки-

шитъ. Рыбаки, у насъ и примѣтили это. Загнала птица рыбу, сейчасъ поперекъ курьи неводъ. И Боже ты мой сколько рыбы попало—первый разъ, пудовъ двѣсти, второй разъ закинули тоже порядочно, въ третiй разъ. Возили возами, всѣ деревни кругомъ сбѣжались. Слыхалъ-ли про это, когда-нибудь, баринъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ, въ первый разъ, и что-то мнѣ не вѣрится.

— А ужъ это твое дѣло, хочешь вѣрить, вѣрь. Я только разсказываю, что было. И я не повѣрилъ-бы кабы самъ своими глазами этого не видалъ. Вотъ тутъ и пораздумаешься: какую тварь-то разумную Господь создалъ. Мы думаемъ, она ничего не смыслитъ, анъ нѣтъ, иной разъ смышленѣе человѣка. Ну, а мнѣ пора спать, заболтался я съ вами.

Пичугинъ, пожелавъ покойной ночи, ушелъ внизъ къ себѣ въ каюту. Я долго еще пробылъ на рубкѣ, любуясь карти-

ною лунной ночи, пока мнѣ самому не захотѣлось спать, и я отправился съ рубки внизъ.

Утромъ мы проѣзжали мимо города Красноборска, города только по названію. Въ сравненіи съ богатыми приволжскими селами — это жалкая деревушка. Красноборскъ не имѣетъ даже пристани и стоитъ не на самомъ берегу Двины, а въ сторонѣ. По всему видно, что онъ стоялъ когда-то на самой Двинѣ, но наносный песокъ удалилъ его отъ рѣки, которая, найдя себѣ новое русло, оказалась отъ города въ полуверстѣ, можетъ быть были и другія причины этому, такъ, напримѣръ, большой разливъ Двины въ половодье.

Каменныхъ построекъ немного, большей частью все маленькіе деревянные домики, среди которыхъ возвышалась небольшая церковь—вотъ и весь городъ. Ровная пустынная мѣстность кругомъ уси-

ливала впечатлѣніе грусти и унынія. И это было весной, когда всякая мѣстность скрашивалась богатствомъ сѣверной природы, что-же дѣлается въ Красноборскѣ зимой? Какъ живутъ тутъ люди?

— Не хотите-ли попробовать налимьей ухи?—Славная ушица!—вдругъ прервалъ мои размышленія голосъ Пичугина.

Я чувствовалъ голодъ и былъ очень радъ предложенію лоцмана поѣсть налимьей ухи.

— Да, вы чѣмъ питаетесь-то? спросилъ онъ меня, когда мы усѣлись съ нимъ хлебать уху.

— Больше все чаемъ пробавляюсь,— говорю я, совсѣмъ животъ подвело. Боюсь съ голоду помру.

— Эхъ вы, давно-бы мнѣ сказали. Я вотъ самъ себѣ стряпаю. Давайте вмѣстѣ обѣдать. Только кушанье-то рыбное, другого нѣтъ; была солонина, да вся вышла.

Я съ радостью согласился на его предложеніе. Налимья уха была, дѣйствительно, великолѣпная. Налимъ былъ толщиною въ четверть и цѣлый вѣсилъ двѣнадцать фунтовъ. Мы отлично закусили, выпили и завалились спать.

Пароходъ шелъ медленно, часто останавливался для нагрузки дровъ. Я цѣлые дни проводилъ на рубкѣ. Капитанъ, суровый, дикаго вида человѣкъ, дерзкій съ матросами и палубной публикой, былъ со мною любезенъ и даже удостоивалъ меня своими разговорами. Рѣчь его была отривиста, рѣзка и переполнена крѣпкими словцами. Смѣлый, ловкій энергичный, небольшого роста, широкоплечій — онъ былъ олицетвореніемъ силы, которая не знаетъ преградъ; такія натуры—продуктъ непрестанной борьбы съ суровой сѣверной природой и ихъ можно только встрѣтить на сѣверѣ да среди моряковъ всѣхъ странъ. Опасностей для нихъ не

существуетъ; при явившемся неожиданно препятствіи, которое кажется для обыкновеннаго смертнаго непреодолимымъ, эти люди ни на минуту не задумываются, да имъ и нельзя задумываться:—одна минута можетъ погубить все дѣло. Кажется съ перваго взгляда, обязанности капитана не особенно тяжелыя: сидитъ себѣ въ каютѣ, отъ времени до времени, выйдетъ, посмотритъ, отдастъ приказанія и опять уйдетъ въ каюту. А между тѣмъ капитаномъ не всякій съумѣетъ быть. Обязанность трудная, отвѣтственность громадная: провести отъ Вологды до Архангельска буксирный пароходъ, за которымъ тянется нѣсколько громадныхъ баржъ—дѣло не легкое. На отвѣтственности капитана—жизнь сотенъ людей, грузъ на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Сколько безсонныхъ ночей, крика до хрипоты, умѣнья, ловкости, находчивости!

Я сидѣлъ постоянно возлѣ рулевого

колеса, когда дежурилъ лоцманъ Пичугинъ. Мы вели съ нимъ нескончаемые разговоры.

— Вонъ, сколько въ Соловки ѣдетъ народу, сказалъ онъ, мотнувъ головой на плывшую встрѣчу намъ баржу. — Со всей Россіи собираются къ угодникамъ Зосимѣ и Савватію. Какого только тутъ народу нѣтъ...

Мимо насъ то и дѣло шли баржи, крыши которыхъ были сплошь покрыты народомъ — богомольцами. Такой пестрой толпы взядъ-ли гдѣ можно увидать: цвѣтные наряды женщинъ всѣхъ губерній и народностей Россіи перемѣшались, перепутались и ярко пестрѣли при солнечномъ свѣтѣ.

Вотъ плыветъ длинная цѣпь бочекъ со смолою, а вотъ тянутся громадные плоты. Бревна въ два ряда даютъ возможность помѣстить на плоту избу, возлѣ которой бродятъ куры и лошадь. Я былъ

пораженъ, видя въ первый разъ плывущее селеніе.

— Это куда-же деревня-то ѣдетъ? — спросилъ я Пичугина.

— А въ Архангельскъ. Тамъ все сбудутъ, и избу лишнюю выгодно сбудутъ, и лошадь продадутъ, а провозъ ничего не стоитъ. А вонъ, глядите, медвѣжата на плоту,—сказалъ Пичугинъ. Этихъ не на продажу везутъ, а больше для забавы.

Возлѣ шалаша плотовщиковъ сидѣлъ медвѣжонокъ, привязанный веревкой къ бревну; мужикъ, высунувъ голову изъ шалаша дразнилъ его хворостиной. Медвѣжонокъ натягивалъ веревку, стараясь уйти отъ хворостины, и крутился вокругъ кола. Другой медвѣжонокъ такого-же роста и цвѣта шерсти угрюмо сидѣлъ на плоту, тоскуя по оставленной имъ въ родномъ лѣсу или убитой матери. Онъ спокойно сидѣлъ на бревнахъ, словно раздумывая, куда его ве-

зутъ. И только, когда волна парохода встряхнула близко проходившій плотъ, медвѣжонокъ, услышавъ шумъ колесъ, насторожилъ уши и попятился задомъ.

Чудныя картины береговъ открывались каждую минуту. Берега, то высокія, обрывистые, поросшіе густымъ хвойнымъ лѣсомъ, то низкіе, тянувшіеся на десятки верстъ; это были заливные луга, пожни, дающія громадный урожай травы. Живописно раскидывались деревушки и погосты на высокихъ кручахъ берега, къ которому пароходъ приставалъ безъ пристани, перекидывая трапъ съ борта на землю; такъ глубока была въ этихъ мѣстахъ Двина. Иногда посреди рѣки показывались большія полосы намытаго песку; эти острова были покрыты стаями птицъ: чаекъ и куликовъ всевозможныхъ породъ.

Вотъ пароходъ остановился у берега. Бросили трапъ; пассажиры—зыряне, богомольцы и матросы—всѣ сошли на бе-

регъ. Началась нагрузка дровъ. Я тоже сошелъ съ парохода. День былъ чудный, тихiй теплый, въ воздухѣ пахло смолой и цвѣтами. Берегъ былъ настолько высокъ, что шапка валилась съ головы, когда смотришь на его вершину, и вся это круча была сплошь покрыта кустами шиповника, розовые цвѣты котораго ярко выдѣлялись среди зелени; узенькая тропинка вилась по всей горѣ, то исчезая за кустами, то вновь показываясь.

Надо сказать, что шиповника на сѣверѣ растетъ очень много. Въ Архангельской и Вологодской губернiи я видалъ запущенныя поля, покрытыя кустами шиповника, этой сѣверной розой. Издали поле казалось сплошь розоваго цвѣта.

Нѣсколько молодыхъ зырянъ, разговаривая на ломаномъ русскомъ языкѣ, перемѣшанномъ съ зырянскими словцами, собирались вбѣжать на эту гору. Одинъ

изъ нихъ, смуглолицый, широкогрудый бросился бѣжать по тропинкѣ, за нимъ побѣжали еще нѣсколько парней, но они скоро отстали. Я попробовалъ-было тоже взобраться на гору, но неудачно; гора была слишкомъ крута, и я не взобрался и до половины. А зырянинъ все бѣжалъ... Завидныя легкія!.. Вотъ показалась его фигура на самой вершинѣ. Оттуда онъ что-то закричалъ на своемъ гортанномъ нарѣчіи. Въ это время раздался свистокъ. Всѣ поспѣшили на пароходъ.

Всюду, когда пароходъ проходилъ мимо деревни, на берегъ выбѣгали гурьбой ребятишки, съ крикомъ „ура" и съ требованіемъ свистка. Ни одинъ капитанъ парохода не отказываетъ и даетъ свистокъ. И тогда только ребятишки успокоиваются. Это вошло въ такой обычай, что капитанъ, увидя на берегу дѣтей, даетъ сейчасъ-же свистокъ. Не одни дѣти требуютъ свистка, къ нимъ примѣшиваются и

большіе, также бѣгутъ по берегу и кричатъ, называя пароходъ по имени.

Вслѣдъ за теплыми днями вдругъ наступилъ холодъ; такъ измѣнчива погода на сѣверѣ. Подулъ холодный рѣзкій вѣтеръ, и зыряне въ своихъ мѣховыхъ малицахъ чувствовали себя, вѣроятно, прекрасно. Въ каютѣ у меня было холодно, а на рубку лучше и не выходи, того и гляди сорветъ съ тебя шапку, а то и самого, если не держаться за перила. Сѣверный вѣтеръ противъ теченія Двины поднялъ такія волны, что качка парохода была довольно ощутительна. Приходилось сидѣть въ каютѣ, валяться на диванѣ и немилосердно отъ скуки курить, такъ я и дѣлалъ.

Великій Устюгъ—половина пути между Архангельскомъ и Вологдой, былъ близокъ. Изъ окна я увидѣлъ устье Вычегды; тамъ стоитъ городъ Сольвычегодскъ, находящійся отъ Устюга верстахъ въ

восьмидесяти. Пароходъ остановился, для высадки зырянъ. Путешествіе ихъ на пароходѣ кончилось; теперь имъ предстоитъ еще плыть вверхъ по Вычегдѣ въ Яренскій уѣздъ. Это путешествіе они совершаютъ на собственномъ суднѣ, которое они годъ тому назадъ оставили на берегу, близъ устья Вычегды.

Утромъ я вышелъ на рубку. Вѣтеръ стихъ, погода прояснилась.

— Кончилась теперь матушка Большая Двина, теперь пойдетъ Малая Двинка-Сухона,—сказалъ Пичугинъ. Видите, вонъ тамъ церкви—это Устюгъ.

Рѣка круто поварачивала вправо; влѣво было устье рѣки — это Югъ, отсюда начинается Сухона. Направо, при сліяніи трехъ рѣкъ, Юга, Сухоны и Двины стоитъ городъ Устюгъ, множество церквей котораго скоро заблестѣли въ лучахъ солнца, выглянувшаго изъ-за тучъ.

— Вотъ и Устюгъ,—сказалъ явившій-

ся на рубку капитанъ и, снявъ шапку, началъ креститься. Всѣ послѣдовали его примѣру.

X.

г. Великій-Устюгъ. Историческіе памятники и святыни Устюга. Значеніе Устюга въ Сѣверномъ Краѣ и желѣзная дорога. Отъѣздъ. Опоки. Тотьма. Село Шуйское. Вологда.

Пароходъ нашъ долго пробирался между баржъ, барокъ и карбасовъ, во множествѣ стоявшихъ у берега. Такъ какъ буксирные пароходы не имѣютъ пристаней, то намъ пришлось пристать къ порожней баржѣ, стоявшей давольно далеко етъ берега. По перекинутому трапу мы пробрались на баржу, а такъ какъ на ней производилась нагрузка, то намъ приходилось обходить по борту сначала одну баржу, потомъ другую, пока не добрались до стоявшей у берега.

На баржѣ кипѣла работа; кромѣ мужиковъ, катавшихъ бочки съ сахаромъ, таскавшихъ мѣшки съ хлѣбомъ, тюки со щетиной, работали и женщины, народъ все рослый, красивый, въ яркихъ повязкахъ на головѣ вродѣ кокошниковъ.

Поднявшись на набережную, я былъ осажденъ множествомъ извозчиковъ, что меня очень удивило, такъ какъ городъ былъ не великъ. Извозчики одноконные; лошади были запряжены въ какіе-то странные экипажи: нѣчто среднее между старинной гитарой и линейкой; о пролеткахъ, очевидно, устюжскіе жители не имѣли никакого понятія. Я не рѣшился сѣсть на этотъ странный инструментъ, не смотря на назойливыя приглашенія извозчиковъ. Кромѣ того послѣ двухнедѣльнаго плаванія по рѣкамъ, мнѣ очень хотѣлось походить по твердой землѣ и поразмять немного свои ноги; я отправился осматривать городъ и сдѣлать кой-какія по-

купки;—пароходъ стоялъ въ Устюгѣ только два часа и потому мнѣ надо было торопиться съ осмотромъ города.

Великій Устюгъ стоитъ на холмахъ; въ немъ до двадцати пяти церквей; мѣстность чрезвычайно красивая. Городъ окруженъ съ трехъ сторонъ водой, рѣками: Сухоной и Двиной. Хотя во всѣхъ календаряхъ и значится въ немъ восемь тысячъ жителей, но календари врутъ,—въ Устюгѣ жителей почти вдвое—до пятнадцати тысячъ. Впослѣдствіи я хорошо познакомился съ городомъ, его жителями, ихъ нравами и обычаями, проживъ въ Устюгѣ больше года, но описывать подробно не буду. О немъ такъ много писалось. Скажу въ короткихъ словахъ: городъ очень старинный, весьма уважаемый за его святыни богомольцами, которые, отправляясь со всѣхъ концовъ Россіи, считаютъ своимъ долгомъ посѣтить Устюгъ. Въ городѣ живетъ архіерей, викарій Во-

логодской эпархіи, есть духовное училище, нѣсколько городскихъ школъ, земская библіотека. Земство состоитъ изъ торговцевъ, занятыхъ своими коммерческими дѣлами и потому въ уѣздѣ дѣло образованія идетъ довольно плохо: земскія школы одна за другой закрываются, а устраиваемыя взамѣнъ ихъ церковно - приходскія школы или совсѣмъ не существуютъ или влачатъ жалкое существованіе.

Памятниками старины, какъ и вездѣ, служатъ монастыри,—Эти хранилища древностей и преданій: Троицкій монастырь, при устьѣ рѣки Юга, нынѣ упраздненный, гдѣ живетъ и теперь только одинъ столѣтній монахъ,—владѣлъ когда-то древними сокровищами, но, какъ говорятъ, сокровища эти попали въ руки скупщиковъ, купившихъ ихъ за безцѣнокъ и съ громаднымъ барышомъ продавшихъ любителямъ археологіи. Затѣмъ въ самомъ Устюгѣ Яикскій монастырь, въ окрест-

ностяхъ Приводинскій и др. Самые почитаемые святые въ Устюгѣ Іоаннъ и Прокопій, который, по преданію, отвелъ отъ города каменную тучу. Эта каменная туча упала верстахъ въ тридцати отъ города въ мѣстности, называемой Котовало. Это очень любопытное преданіе о упавшихъ на землю метеоритахъ; многіе изслѣдователи, посѣщая Устюгъ, отыскивали эти камни, другіе выписывали изъ столицъ образцы этихъ камней, но, кажется, ни одинъ изъ нихъ не нашелъ, что камни эти планетнаго происхожденія. Весьма понятно, что упавшіе аэролиты глубоко вошли въ болотистую почву, какая находится въ Котовалѣ, а сотни лѣтъ и совсѣмъ толстымъ слоемъ земли закрыли ихъ отъ человѣческихъ глазъ.

Великій Устюгъ—городъ торговый: онъ занимаетъ очень выгодное положеніе при сліяніи трехъ судоходныхъ рѣкъ и стоитъ на торговомъ тракту, по которому въ

зимнее время идутъ обозы съ хлѣбомъ изъ Вятской и Казанской губерніи въ Архангельскъ и обратно съ сухой и соленой рыбой. Это зимнее движеніе развило въ Устюжскомъ уѣздѣ извозный промыселъ. Вслѣдствіе долгаго зимняго времени и хорошей платы за провозъ, крестьяне, имѣющіе по двѣ, по три лошади, зарабатываютъ порядочно. Льнопрядильныя фабрики (Грибановъ, близъ Устюга) вызвали разведеніе льна въ Вологодской губерніи, кромѣ того ленъ въ сыромъ видѣ отправляется въ Архангельскъ. Торговля щетиной производится въ широкихъ размѣрахъ. Большинство Вологодскихъ богачей нажили громадныя состоянія этого рода торговлей. Кустарныя вологодскія издѣлія извѣстны всѣмъ —это роговыя вещи, искусно сдѣланныя. Затѣмъ берестяныя издѣлія и сундучки, покрытыя жестью подъ морозъ. Громадная торговля лѣсомъ, смолой, кожами, саломъ

съ проведеніемъ желѣзной дороги еще болѣе увеличится экспортомъ за границу сырыхъ продуктовъ, привозимыхъ изъ среднихъ губерній. Предполагаемая желѣзная дорога привлечетъ въ эту богатую сторону много капиталовъ и предпріимчивыхъ людей и тогда для нетронутаго, дѣвственнаго Сѣвернаго Края наступитъ новая эра и его жизнь, теперь отдѣльная отъ жизни всей Европейской Россіи, сольется вмѣстѣ съ нею.

Купивъ въ городѣ сквернаго табаку и очень хорошихъ копченыхъ оленьихъ языковъ и другихъ припасовъ мѣстнаго издѣлія, часа черезъ два я былъ уже на пароходѣ. Раздался первый свистокъ.

— Гдѣ, Пичугинъ?—кричалъ капитанъ, бѣгая по рубкѣ.

— Въ городѣ! отвѣчали матросы снизу.

Капитанъ выходилъ изъ себя, бѣгалъ, ругался. Матросы и пассажиры столпились у борта и смотрѣли на берегъ, въ

ожиданіи, когда покажется на набережной Пичугинъ, изъ-за котораго стоялъ пароходъ. У капитана не хватило терпѣнья ждать стараго лоцмана, и онъ велѣлъ дать второй свистокъ.

— Загулялъ, должно-быть, Пичугинъ,— говорилъ матросъ.

— Снимай трапъ!—раздалась команда капитана. Взбѣшенный медленностью лоцмана, онъ рѣшилъ оставить его на берегу, хотя и зналъ, что безъ Пичугина ему плохо будетъ, когда пароходъ пойдетъ черезъ Опокскіе пороги.

— Идетъ! Идетъ! — раздались голоса.

Пичугинъ, дѣйствительно, шелъ по набережной, медленно, важно, нагруженный разными свертками и кульками.

Онъ какъ будто нарочно медлилъ, точно дразня капитана и зная, что пароходъ безъ него не уйдетъ. Капитанъ совсѣмъ вышелъ изъ себя, онъ схватилъ рупоръ и что есть мочи сталъ кричать.

— Иди скорѣе, старый чертъ!...—
Какъ громъ, раздались изъ рупора слова капитана.

Старый чертъ какъ будто-бы не слышалъ этого любезнаго приглашенія своего начальника и нисколько не торопился. Пары были уже разведены и пароходъ тихо покачивался у пристани. Пичугинъ подошелъ къ борту баржъ. Началась перебранка между нимъ и капитаномъ.

— Оставайся, плѣшивый дуракъ здѣсь; не возьму!—кричалъ капитанъ.

— Ну, и ладно, останусь,—говорилъ спокойно Пичугинъ. Онъ былъ совершенно трезвъ.

— Чай, въ трактирѣ водку жралъ,—продолжалъ капитанъ. Иди, допивай!

— И пойду... Ну, да ладно, Иванъ Ефимовичъ, будетъ ругаться-то, прикажи трапъ бросить, не прыгать-же мнѣ!

— Полѣзай безъ трапа!

— Ну, ладно... Ей, Васька, подтяни,

ребята, корму!—крикнулъ лоцманъ матросамъ, стоявшимъ у каната.

— Бросьте ему трапъ, чертъ съ нимъ! приказалъ капитанъ.

Трапъ бросили, и Пичугинъ торжественно вступилъ на палубу.

Раздалась команда: „Переднiй ходъ“, „заднiй ходъ!“ Пароходъ закачался, запыхтѣлъ и пошелъ вверхъ по Сухонѣ.

Вокругъ Пичугина собралась толпа, я подошелъ къ нему, остановился и капитанъ, шедшiй съ рубки къ себѣ въ каюту.

— Что такое?—спросилъ онъ.

— А вонъ глядите, котенка лоцманъ поймалъ, сказалъ кто-то изъ толпы.

Пичугинъ дѣйствительно держалъ за шиворотъ котенка и торжественно показывалъ публикѣ.

— И изъ-за этой пакости на полчаса задержалъ пароходъ. Изъ ума выжилъ, старый дуракъ,—сказалъ капитанъ, уходя въ каюту.

— Пакость!—обиженно сказалъ Пичугинъ. Гляди, какой котъ-то важный. Иду я по площади,—разсказывалъ старикъ,—слышу нашъ свистокъ... Гляжу собаки на кого-то бросились, я къ нимъ, а онъ, шельма въ трубу забился... Сталъ отгонять собакъ, никакъ не могу его достать, что ты будешь дѣлать, а тутъ второй свистокъ, надо идти, да и кота жаль, бился бился, всѣ руки исцарапалъ, поганецъ, досталъ-таки. Котъ важный, трехшерстный, домой свезу ребятамъ.

И Пичугинъ понесъ котенка къ себѣ въ каюту.

Мы медленно подвигались вверхъ по Сухонѣ. Правый берегъ рѣки, а иногда и оба — высокіе, часто совсѣмъ почти отвѣсные или подымаются уступами. Вершины этихъ отвѣсныхъ утесовъ часто увѣнчаны густымъ хвойнымъ лѣсомъ, силуэтъ котораго темной полосой виднѣется на фонѣ голубого неба. Быстро

бѣжитъ Сухона, пробивая себѣ дорогу среди грядъ Урало-Алаунской возвышенности, то круто поворачивая, то промывая себѣ русло поперекъ каменистаго холма. Прекрасныя дикія, живописныя мѣста! Для чего ѣздятъ путешествовать по Швейцаріи, когда у насъ своя Швейцарія — Финляндія и часть Вологодской губерніи, по которой проходятъ отроги Уральскихъ горъ. Правда, страна эта дика, и нѣтъ тѣхъ удобствъ, какіе имѣются для туристовъ заграницей, но мнѣ кажется въ этой дикости-то и есть красота. Вы не найдете здѣсь, какъ въ Щвейцаріи, на вершинѣ горы ресторана, въ темномъ, глухомъ бору, скамеекъ и бесѣдокъ. Чистый воздухъ, ширь, рѣки, лѣса, горы, на вершинахъ которыхъ и по скатамъ холмовъ лѣпятся села и деревушки, похожія съ рѣки на птичьи гнѣзда. Неисчерпаемый матеріалъ для художника! А между тѣмъ рѣдкій туристъ

завернетъ сюда; ни одинъ художникъ не далъ себѣ труда проѣхаться по Сѣверному Краю, гдѣ все дышетъ свободой и просторомъ дѣвственныхъ лѣсовъ. Какіе типы въ разноцвѣтныхъ, оригинальныхъ костюмахъ встрѣчаются здѣсь. Тутъ не увидишь жалкихъ лачугъ и нищаго крестьянина фабричныхъ центральныхъ губерній, нѣтъ здѣсь и фабрикъ съ ихъ удушливымъ чадомъ и развращенной атмосферой, въ которой живетъ несчастный фабричный людъ. Обширныя, опрятныя избы, суровый на видъ, но умный и дѣльный мужикъ—зажиточный хозяинъ, въ зимнее свободное время занимающійся или извозомъ или кустарными работами,— все это производитъ отрадное впечатлѣніе.

Для охотника Архангельская и Вологодская губерніи не могутъ сравниться ни съ какими другими по количеству дичи и рыбы; охота не стѣсняется никакими законами.

Пароходъ подходилъ къ Опокамъ. Это первая станція на Сухонѣ отъ Устюга. „Опоки не глубоки, а золотое дно“, говорятъ вологжане. У деревни Опокъ находятся знаменитые Сухонскіе пороги, черезъ которые суда свободно проходятъ въ полую воду, но какъ только вода сойдетъ, движеніе въ этомъ мѣстѣ становится опаснымъ. Баржи съ грузомъ, глубоко сидящія, разбиваются о камни и грузъ тонетъ. Жители Опокъ пользуются этимъ случаемъ и за перегрузку баржей берутъ большія деньги; кое-что перепадаетъ имъ изъ груза и кромѣ заработной платы. Кромѣ того многіе изъ опокскихъ крестьянъ—опытные лоцмана и нанимаются на пароходы съ платою отъ 40 до 50 рублей въ мѣсяцъ.

Вотъ и Опоки. Передъ нами рѣка круто поворачиваетъ влѣво: направо громадная наклонная стѣна подмытаго берега, на которомъ отчетливо видны полосы наслое-

ній разныхъ цвѣтовъ: слой глины перемежается съ слоемъ песку, затѣмъ идетъ темная полоса и опять глина и т. д. Узенькая тропинка у подошвы берега съ противоположнаго берега едва замѣтна. Люди идущіе по ней въ сравненіи съ высокимъ берегомъ кажутся едва замѣтными точками. На вершинѣ берега растетъ лѣсъ, видна деревушка, избы которой кажутся крошечными игрушечными домиками. Налѣво деревня Опоки; она расположилась на одномъ изъ уступовъ берега, избы окружены зеленью; позади деревни берегъ подымается террасами.

Пароходъ остановился у деревни. Началась нагрузка дровъ. Полѣнницы, сложенныя на самой вершинѣ берега, разрушались, и дрова съ шумомъ, грохотомъ катились съ высоты вмѣстѣ съ пескомъ и камнями внизъ къ водѣ.

— Погляди-ка, какъ вода-то бѣжитъ,— сказалъ чернявый мужикъ, пассажиръ,

когда я сошелъ съ парохода на берегъ.— Да ты нагнись,—продолжалъ онъ, взгляни на воду-то.

Я нагнулся и сталъ смотрѣть на поверхность воды. Сухона текла ручьемъ; широкая до поворота, она, ударяя въ каменистый берегъ, съуживалась и катилась по камнямъ. Это и были Опокскіе пороги.

— Позапрошлымъ годомъ плыли мы на баржѣ съ мукой,—говорилъ чернявый мужикъ.—Баржа-то и наскочи на камень, течь пошла, весь грузъ потопили-было... Что ты подѣлаешь, давай народъ скликать, баржу надо перегружать... Вѣришь-ли, по два рубля приказчикъ въ день давалъ,—не идутъ. Вотъ здѣсь какой народъ-то. Да что и говорить, богатый здѣшній народъ, вонъ, гляди, какихъ хоромъ себѣ понастроили.

Отъ Опокъ почти двое сутокъ мы плыли до г. Тотьмы, находящемся на половинѣ

пути отъ Устюга до Вологды. Это очень маленькій городокъ Вологодской губерніи, доволно живописный, чистенькій въ лѣтнее время и скучный всегда. Отъ Тотьмы нашъ пароходъ пошелъ гораздо быстрѣе, такъ какъ Сухона въ этихъ мѣстахъ течетъ по обширной низменности. Справа и слѣва тянутся безконечные заливные луга—пожни, а верстъ за семьдесятъ до Вологды начинаются озера. Весной—эти озера сливаются и образуется цѣлое море, иногда затопляющее деревушки, поселки и лѣса. Мнѣ приходилось разъ плыть по этимъ мѣстамъ въ полую воду. Красные столбы, указывающіе фарватеръ рѣки были затоплены и пароходъ плылъ то лѣсомъ, то по улицѣ полузатопленной деревни. Здѣсь кончается Сухона и начинается Вологда, направо каналъ князя Виртембергскаго, соединяющій Кубенское озеро съ рѣкой Вологдой.

Верстъ за тридцать мы увидали бле-

стящіе купола Вологодскихъ церквей. Чаще и чаще стали попадаться суда, пароходы, по берегамъ—пристани, у которыхъ нагружались и разгружались баржи. Всюду — народъ, кипѣла работа; мы лавировали среди множества пароходовъ, баржъ, карбасовъ и другихъ мелкихъ судовъ. Наконецъ вотъ и пристань. Когда бросили трапъ, первымъ на нашъ пароходъ явился хозяинъ, бородатый рыжій купецъ въ чуйкѣ и въ сапогахъ бутылками. Вмѣсто привѣтствія онъ первымъ дѣломъ сталъ ругать капитана за медленность въ пути. А когда матросы стали спускать съ парохода мои лыжи и принадлежности къ нимъ, хозяинъ, справившись о цѣнѣ, какую капитанъ взялъ съ меня за проѣздъ, набросился сначала на него, потомъ на меня, и наговорилъ мнѣ за что-то много любезностей. Я не обратилъ вниманія на выходки „хозяина“ и поспѣшилъ скорѣе въ городъ, оста-

вивъ лыжи на храненіе сторожу пристани. Путешествіе мое, продолжавшееся почти мѣсяцъ, окончилось. Это была моя первая поѣздка по Архангельской и Вологодской губерніи; масса впечатлѣній и встрѣчъ, которыхъ я къ сожалѣнію не записалъ во время путешествія, скоро утратилась и эти бѣглые замѣтки написаны по отрывочнымъ воспоминаніямъ о чудномъ, прекрасномъ Сѣверномъ Краѣ, о которомъ такъ мало знаютъ, такъ немного пишутъ.

Содержаніе.

II.